

Игорь Смирнов

**МАНЬЯКИ
ВЫХОДЯТ
ИЗ ПОДПОЛЬЯ, ИЛИ
СУПЕРИОР**

Игорь Смирнов

**Маньяки выходят
из подполья, или Суперитор**

«Издательские решения»

Смирнов И.

Маньяки выходят из подполья, или Супериор / И. Смирнов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855017-1

В тридевятом ли царстве, в тридесятом государстве, в России ли, какой она
будет через три десятка лет, занесло добра молодца в неприметный городок. А
творились там дивные дела...

ISBN 978-5-44-855017-1

© Смирнов И.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
1	9
2	14
3	18
4	21
5	23
6	32
7	36
8	38
9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Маньяки выходят из подполья, или Супериор

Игорь Смирнов

Иллюстратор Михаил Александрович Врубель

Корректор Сергей Ким

© Игорь Смирнов, 2020

© Михаил Александрович Врубель, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4485-5017-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор полагает нелишним заметить, что его работа является вымыслом, и потому не только персонажи здесь плод воображения, но и сама действительность, в которую они помещены. Все совпадения с существующими или когда-либо существовавшими людьми следует считать ненамеренными и случайными.

ПРОЛОГ

К исходу ночи воздух сгустился до пронзительной синевы; дворы, улицы, парки и площади напустили на себя таинственность, распрощались с природными очертаниями и красками. Дома выдвинули одни свои изломы напоказ, попрятали во мрак другие, потяжелели, затаили неясную угрозу. Деревья налились угольной чернотой, сплющились, как театральные декорации, и заважничали от взятой ими космической красоты. Машины по обочинам мостовых превратились в продрогших, скрюченных осенним ревматизмом зверюг – собак громадного размера, лошадей, верблюдов и бегемотов, прикорнувших на ночь прямо под открытым небом. Газели попадались тоже – да, затесались в эту разношерстную и разнопородную колёсную братию и допотопные, изъеденные ржавчиной древние «газели»... Зябкая седина закурчавилась на загривках и мордах временно обездвиженных монстров; ранний сентябрьский холодок просочился в их плотно закупоренное нутро и выпал серебристой испариной на стёклах.

Милоровск, опрятный, подтянутый, разумно организованный, в основном беловоротничковый городок с населением тысяч в двадцать, с рассветом начал понемногу просыпаться. Опустившийся на улицы туман притуплял и без того ещё робко брезжащий свет, глушил звуки, коварно уводил их в сторону, – всячески перевираля расстояния и вообще картину зарождающегося дня. Должно быть, оттого квартал, в пределах которого располагался НИИ сельхозмашин (если уж совсем точно – у перекрёстка улиц Курбского и Урицкого), выглядел не только безлюдным, но и уединённым, отделённым от всего остального мира ватною стеною тишины. Ни то, ни другое, ни третье не соответствовало действительности. Общее пробуждение добралось уже и сюда. Отдельные сотрудники подкатывали к месту работы на личных машинах – значит, пусть и не долго, но шуршали шины, потом – хлопали закрываемые дверцы. То были одинокие звуки, едва они замирали, всё окрест снова будто впадало в летаргию. Не много было мобилистов, фанатиков личного транспорта. Пепелацы свои, по неписаному правилу, они оставляли на той стороне дороги, что была ближе к институту; и по другому, такому же неписаному правилу, выстраивали их наискосок – плотно, компактно; шеренга разномастных легковушек никогда не вылезала за пределы той тени, что мог бы отбросить на дорогу профнастильный забор, высокий ярко- и густо-синий забор, которым обнесён был институт (после мартовского указа 20.. года «О новых мерах борьбы с терроризмом и экстремизмом» все подобные учреждения по возможности защищены были такими заборами). Хотя вообще-то тень на дорогу этот забор не навёл никогда – ибо обращён был на юго-запад. По другую сторону улицы тянулась практически такая же металлическая стена, столь же высокая, и всё же недостаточно высокая, чтобы тень от неё и в час своего максимума достигала крайнего предела мостовой. Ну разве что перед закатом, но тогда здесь уже не оставалось машин.

За этим параллельным профнастилом, покрытым опять-таки ярким, но зелёным полимером, размещался механический завод. Его сотрудники, если прибывали на машинах, на дороге не парковались, а заезжали прямо на территорию. В этом смысле им больше повезло. Зато рабочий день на заводе начинался раньше. Сейчас все, кому положено, там уже трудились. К проходной же НИИ продолжал стекаться научный люд. Странников ходьбы среди создателей сельхозтехники было значительно больше, чем водителей, однако их прибытие производило меньше шума (отсюда – опять-таки тройная иллюзия безлюдности, уединённости и тишины). Они приближались к проходной большей частью поодиночке, кто размашистым шагом, а кто семеня – каждый навёрстывал секунды: время поджимало. Проходная, компактная чистенькая будочка светло-бежевого цвета, узеньким фасадом чуть выдавалась за периметр забора. Подходящие распахивали бесшумную, подпружиненную медлительным доводчиком дверь, переступали порог и – будочка КПП их поглощала. Точно в немом кино. Только лишь дробный

перестук женских каблучков порой пробивал обложившую всё кругом вату безмолвия; мужские шаги можно было услышать чаще, однако звучали они глухо.

А помимо сотрудников института на улице Урицкого сейчас не было чужих и посторонних. Неподходящее место для оздоровительных моционов и пробежек трусцой. Индустриально-научная часть Милоровска, почти окраина. Городок невелик, так, может, потому у каждого квартала, не то что микрорайона, своё предназначение.

И вот очередной пешеход, мужчина лет тридцати, долговязый, нескладный, не шёл, а просто летел, и тоже в направлении КПП. Сотрудник института? Прогульщик какой-то, опаздывал уже. Куртка с отвислым капюшоном, яркая, дикого лилового цвета, длинная, просторная – раздувалась точно колокол; полы чуть не заворачивались кверху, а казалось, что путник разгоняется для подъёма в небо, сейчас взмоет. Картинка, завихрение чёрных пятен и линий на спине, складывалась то в китайского дракона, то – в голливудского Хищника со жвалами. Так шевелил лопатками! А что выделял ногами! Выворачивал ступни, приседал в раскорячку, слегка подпрыгивал; просто приплясывал на ходу. Ботинки тоже диковинные, на шнуровке, высокие, жёлтые (цвета младенческой неожиданности – ну и цвет!) и – на толстой платформе. Шлёпали об асфальт; в такт этим негромким, но внятным шлепкам мужчина выкрикивал ритмичную монотонную песенку. Что-то вроде унылых речитативов, какими подхлестывают себя на физподготовке американские солдаты. Только у нашего физкультурника слов было не разобрать, и не из-за пресловутого тумана, а просто – исполнитель не утруждал себя артикуляцией звуков. Да, можно смело даже сказать, мычал что-то в такт собственным шагам – ни больше ни меньше. Мелькали под колоколом куртки ярко-алые штанины-«бананы». А на голове тряслась, однако не слетала пронзительного ядовито-зелёного цвета бейсболка с чудовищным, выступавшим чуть не на полметра вперёд козырьком и клапанами по бокам – они были опущены; видно, уши мёрзли.

Вот чудак уже подскочил к проходной на расстояние последних двух-трёх шагов и прекратил своё пение, не перестал, впрочем, сучить руками. В очередном махе правой поймал ручку двери КПП, рванул её на себя и ловко запрыгнул внутрь. Всё на одном дыхании, без потери ритма, будто заранее отрепетировал прибытие.

Проходная поглотила его, как перед тем поглощала всех других, не сделав исключения. Но дальше что-то пошло неправильно; внутренняя реакция КПП – если у проходных могут быть реакции – дала сбой.

Из-за двери послышались сначала возбужденные голоса, разобрать слова было невозможно, только лишь то, что разговор происходил на очень повышенных тонах. Затем последовал какой-то механический шум – будто кто-то с трудом перетаскивал некий очень тяжёлый предмет, скажем, пытался протиснуть мешок песка в очень узкие двери и не отрывая от пола. Можно было различить даже надсадное кряхтение и – о, неужели?! – нецензурную брань... Однако на улице Урицкого просто некому было вслушиваться в эти звуки – в ту минуту не случилось на тротуаре перед проходной ни празднующихся пешеходов, ни совсем уж опоздавших на работу прогульчиков. И на их счастье! Потому что все эти невнятные и не совсем понятные шумы вдруг перекрыл резкий и плотный удар взрыва... Выхваченная из рамы дверь хлестко припечатала машину напротив, горбато приникшую к асфальту древнюю, одиннадцатую «ладу». Брызнули осколки стекла, очумело зашлась сигналка – лишь на долю секунды опередив сыгранно вскинувшийся хор соседних машин...

Из жутко зиявшего чернотой дверного проёма валил белесый дым. Какие-то слоёные, будто волокнистые потоки жаркой, едкой вони змеились, разрывая туман, точно щупальца кракена; рассеивались в утреннем мгlistом пространстве. А в ободранном, грязно закопченном кубе КПП стылло мёртвое молчание – больше не слышно было ни криков перебранки, ни шума борьбы.

Вахтёр – или кажется, это всё-таки был «чоповец», тот, что дежурил непосредственно в корпусе института – сунуться в одиночку, без поддержки, на место происшествия не рискнул. Первыми туда подоспели пузатый вэн скорой и юркий броневичок МЧС. Шугая округу мигалками, ревуном и крякалкой, подскочили, как на учениях, одновременно со встречных направлений прямо через минуту-другую. Наряд полиции, как водится, в лучшем случае был ещё в пути (он в самом деле прибудет пятью минутами позднее). Экипаж броневичка синхронно выпрыгнул из всех четырёх боковых его дверей, на ходу оправляя на головах шлемы с прозрачными забралами. Бригада скорой выбралась из своей машины не столь спортивно, скорее опасно, впрочем, сразу прихватив чемоданчики с необходимым инструментарием, – дюжий санитар и молоденькая фельдшерица. Шофёр вообще предпочёл пока остаться за баранкой.

Чад успел уже рассеяться; глазам спасателей предстала страшная картина...

1

Навигатор сошёл с ума перед самым Милоровском. Вернее, это Максим заметил его неадекватность перед самым Милоровском. Дорога, современная, невероятно гладкая трасса федерального значения (чёрного асфальта с новенькой, ещё не стёртой яркой цветной разметкой – по две полосы в каждом направлении), как водится, и петляла, и ныряла в ложбины, а потом снова поднималась на холмы. В какой-то момент Коюров увидел впереди, в мареве занимающегося погожего сентябрьского дня, некие строения, причем по обе стороны дороги. Домики неодинаковой ширины и высоты, издали серенькие. Хотя всё же различалось, что крыша у одного из них – зелёная, а у другого – малиновая. Максим глянул на дисплей «торпеды». Среди прочих цифровых величин на экранчик выводилось и расстояние, какое оставалось пройти до конечного пункта, то есть Милоровска. Так вот, сейчас эта дистанция составляла три с половиной километра. «Поселок?» – предположил Максим. Перед поездкой он изучал карту, никаких посёлков в трёх километрах от городка не помнил.

– Эй, Матильда, сколько нам ещё осталось пилить? – спросил Максим. Матильдой он называл компьютер-робот машины – выбрал это имя, когда задавал настройки. Взял из старого, ещё советского мультфильма про Карлсона, в котором Матильда была кошкой фрекен Бок. К старым отечественным мультикам Коюров питал слабость, наверно, потому что много пересмотрел их у бабушки с дедушкой, родителей отца. В детстве его частенько сбавляли на выходные – то одним родакам, то другим. Пухлую Матильду он не то чтобы здорово любил; гораздо сильнее потешала её хозяйка, куда более массивная фрекен Бок, но применительно к компушке это имя не звучало. «Фрекен» – уж как-то грубо, почти по-хамски; «Бок» – двусмысленно, да и красотой тоже не блещет. А и выговаривать полностью – и длинно, и язык сломаешь; в пути ведь бывает не до церемоний, иногда важна секунда.

– До Милоровска ещё одиннадцать километров сто шестьдесят метров, – вальяжно промодулировала Матильда тем глубоким контральто, какой в мультике принадлежал всё-таки не кошке, а её патронессе с неудобнопроизносимым именем, – голосом Фаины Раневской, строго говоря. Его Максим тоже закрепил в пользовательских настройках компьютера. Вышел, конечно, разнобой, но вполне терпимый, по-своему даже прикольный.

«Три с половиной и одиннадцать! – опешил Максим. – Что это за?..»

– Что это за?.. – только и успел Коюров выпалить вслух, а на слове «хибары» запнулся. Под «хибарами» он подразумевал те постройки, которые обнаружил вдали пару секунд назад. Тогда они показались отчего-то серыми, но то был оптический обман. Сейчас они выросли на глазах и выглядели скорее бурными. Впрочем, всё это было совершенно неважно – ведь Максим увидел на обочине столб с табличкою «Милоровск».

– Да как же так, Матильда! – воскликнул он в сердцах; уже оставшийся позади указатель до того его ошеломил, как если бы торчал посреди дороги. – Ты говоришь, что до Милоровска одиннадцать километров, а на самом деле вот он – тут!

– До Милоровска девять километров семьсот пятьдесят метров... – возразила Матильда надменно.

– Что?! – не выдержал Максим. – А что я только что видел? И это что по-твоему, что за дома? Лучше сразу говори, сколько там осталось до этой улицы Металлистов, дом двадцать два, и как туда ехать!

«А не то я тебя выключу!» – хотел пригрозить Коюров. Промолчал – не потому, что такая угроза оказалась бы голословной, ибо выключить компушку он не мог, только лишь перевести её работу в так называемый фоновый режим – а потому что не до пререканий сейчас было. Он опять успел отметить разницу в показаниях. Только что было одиннадцать километров, и вот – уже девять! Его «стриж», конечно, быстрый мобиль, но всё же не настолько; два кило-

метра за пять секунд – это самолёт! А Максим точно знал, что он сейчас шофёр, а не лётчик. Скорость держал самую законопослушную – шестьдесят километров. А та дистанция, какую выдал дисплей в момент появления милоровской окраины на горизонте, – три с половиной кмэ – как-то уж совсем выбивалась из общего ряда... Хотя, кто знает, может, и была самой правдоподобной.

– До улицы Металлистов, дом двадцать два, пятнадцать километров триста тридцать метров. Пока следует ехать прямо. До ближайшего поворота направо четырнадцать километров сто метров. Это примерно будет... тридцать кварталов... когда мы будем находиться в пределах последнего, я сообщу...

– Спасибо, Матильда! – поблагодарил Максим, без особой, впрочем, теплоты в голосе. Сбои в навигации случались и раньше; нынешний между тем не лез ни в какие ворота. Но ещё не повод паниковать. Уж если добрался до Милоровска, к улице Металлистов точно провёмся...

А какой-то улицей Милоровска он уже и так ехал. Разнокалиберная, разношерстная окраина осталась позади. Дома теперь стояли через правильные, хотя и не очень широкие промежутки, всё вокруг было правильных пропорций – мостовая, тротуары по обе стороны её, газоны. Коюров жалел только о том, что не прихватил с собой бинокль. Не худо было бы читать вывески на домах – на ходу, прямо из машины. Ему как-то внезапно стало ясно, что никаких тридцати кварталов до ближайшего нужного ему поворота не будет, не настолько это крупный город.

– Послушай, Матильда, – заговорил он осторожно, даже искательно, словно опасался ещё сильнее запутать несомненно сбившуюся если не с пути, то с верных координат компушку, оттого, по всей видимости, хранившую обиженное молчание. А сам тоже скинул скорость ещё, чуть не до тридцати, так что его новенького, сверкающего «стрижа» успела уже обогнать целая стая попутных машин, среди них пара-другая каких-то совершенно архаичного вида рыдванов, деланных ещё в прошлом веке, наверное. Поглядывал по сторонам, в надежде вдруг увидеть подсказку, какой-нибудь выход из создавшегося положения. – Так где же всё-таки эта улица Металлистов, дом двадцать...

– ...два, – на разрыве фразы подхватила его вопрос Матильда. – До него остаётся ещё... из имеющихся данных... из имеющихся данных неясно, сколько до него остаётся...

– А вот за это тебе настоящее «конторское» спасибо, Матильда! Спасибо профессионала! – Максим резко принял вправо, к бордюру тротуара. – Двери сейчас за мной закрой. И не глуши мотор.

Коюров пошутил, конечно: на маленьких скоростях мобиль шлёпал на электрической тяге; переключение на неё произошло ещё на въезде в Милоровск, вслед за тем каверзным моментом, когда на горизонте внезапно обнаружилась окраина города, а в навигаторе – глюки.

Максим выскочил из машины, с облегчением услышав глухо стукнувшие в дверцах «стрижа» запоры – значит, компушка не совсем ещё слетела с катушек, слушается его. И тут же Коюрова поразила внезапная мысль – до того ужасная, что он едва не взвился на месте, будто пригвождённый к асфальту.

– Матильда, открой! – только сейчас сообразил, что сумасшедшие компьютеры, как и безумные люди, могут проявлять изощрённое коварство. Однако запоры хлопнули ещё раз, отпираясь. Тихонько фыркнув, Максим так же негромко скомандовал: – А теперь снова запри!

– Отлично, Матильда! – похвалил он послушную, исполнительную компушку.

«Смешно и глупо, – сердито отметил Коюров про себя. – Со стороны я похож на идиота». Впрочем, сторонних наблюдателей рядом не случилось – широкий, просторный тротуар, на который ступил Максим, поразила его своей малолюдностью, даже по самым утренним и провинциальным меркам. Разве что из окна пятиэтажки напротив мог скрытно выглядывать какой-нибудь домосед, прячась за шторой...

Максим подошёл к углу дома, поднял голову к узкому прямоугольнику таблички, удерживаемому на стене двумя ржавыми дюбелями, вколоченными в тёмную, побуревшую за давностью лет штукатурку. «Улица Урицкого», – прочитал Коюров. «Где же ещё, в каком другом городе, такую улицу ещё можно найти, – подумал он. – Да хотя бы у меня дома... если не Урицкого, так что-нибудь подобное».

Телефон он держал наготове, сейчас вошёл в «карты». Будто сговорившись, к Максиму приблизились сразу три пешехода со встречных направлений. Ближайшей оказалась старушка с шикарной башнеобразной завивкой на голове и практичным рюкзаком за спиной (впрочем, подняв голову, Коюров мог видеть сперва только яркие лиловые лямки, которые путешественница стягивала, сводила почти к середине груди с несоразмерной непреклонностью и решительностью – слишком немощными выглядели её кулачки с распухшими суставами и все в лиловых же венах); с другой стороны вяло хлял обутыми в огромные кроссовки ногами умеренно долговязый подросток, пялившийся на ходу в экран телефона, закреплённого наплечным штативом перед глазами на расстоянии полусогнутой руки, – должно быть, школьник, забивший на уроки ради сетевой игры; во всяком случае, в куртке, очень похожей на школярскую; этим же курсом осторожно продвигался пожилой пижон в аккуратной шляпке тирольского пошиба, в светло-коричневом плаще дорогой тонкой кожи, из расстёгнутого ворота которого выпущено было объёмное и броское золотистое кашне, что-то не по погоде; простуженный или пенсионер, если судить по цвету лица и избороздившим его морщинам; должно быть, ровесник бабушки с причёской Нефертити и компактным плоским цветным ранцем за сухонькими плечами. Ну да, явно ветеран, время-то рабочее... «У них бы спросить», – подумал Коюров. Сам он на фоне местного люда смотрелся не только дико нездешне, но и неприкаянно – какой-то хлыщ в узком чёрном галстуке и белоснежной, как вершины Гималаев, рубашке, но – с короткими рукавами. Без пиджака. Заблудившийся в пространстве и времени гуляка – во времени года точно: ветерок, будто задорному солнцу вопреки, шибал время от времени неожиданно свежо, зло. Как бы то ни было, «фольклорный ресурс» Коюров решил приберечь на самый крайний случай. На дисплейчике телефона тем временем вычертилась карта Милоровска. Улица Урицкого нашлась без труда; Коюров не увидел на ней красного мячика с надписью «я», однако не удивился. По всей видимости, это спутники в космосе распоясались, развели весь этот бардак, а Матильда была совершенно ни при чём. Вот и телефон получил из сети топографию, но обмена сигналами с орбитой, похоже, не произошло...

Максим ещё раз глянул на табличку дома, потом принялся энергично двигать карту на дисплее сначала в одну, потом в другую сторону – пока не нашёл на экране пресловутый дом номер двадцать два по улице Металлистов. Так вроде недалеко до него отсюда было – вовсе не пятнадцать кэмэ и даже не пять.

Коюров ещё раз поднял голову, но в этот раз задирать её не стал, а посмотрел на стену дома прямо перед собой. И увидел там импровизированную «доску объявлений» – листки разного цвета и размера с топорщившимися на ветру зубчиками, на которых указаны были номера телефонов, адреса скайпа и почты, приклеены были прямо на штукатурку. «Вот это архаика!» – восхитился Максим. Что он там только что подумал про заблудившегося во времени, а? Да это как если бы в его «стриже» покопался мистер Уэллс – и запихал под капот рядом с моторами куда более хитрое устройство. А в результате снесло машину в прошлое, десятка на два лет назад. «Неужто до сих пор пользуется народ!» Зубчиков у многих объявлений недоставало – где на треть, где и наполовину от общего числа; в отдельных случаях их оторвали все до единого. «С детства, кажись, ничего подобного не видел! Или это сон?»

«Требуется девушка 18—25 лет, русская, не меньше чем со средним образованием – сиделка с ребёнком. Рекомендации, опыт работы приветствуются», – читал Максим первую подвернувшуюся взгляду «объяву». «Репетитор даёт уроки китайского»... «Частная фирма набирает молодых людей, желающих радикально изменить жизнь»...

«Мне бы туда податься... – мысленно прикинул Коюров. – Радикально изменить жизнь – дело подходящее... За молодого сойду – тридцать лет ещё не возраст».

Всего лишь три зубчика уцелели на объявлении; значит, прохожие на посул клевали. Максим тоже поднял было руку. Но ничего сделать не успел. Дело решила секунда, доля секунды. Произошло следующее: к этому же листку вдруг протянулась чужая худая и жилистая рука и – сорвала его. Напрочь – на стене остался лишь белесый, намертво сцементированный со штукатуркою лепесток. Так неожиданно это случилось – рука возникла будто прямо из воздуха. Но нет, парень в серой спецовке и такой же серой кепке с козырьком, смахивающей на форменные кепи французских военных в старых фильмах и одновременно на кепку заключённого в таких же старых фильмах, был на самом деле вполне материальным, только подошёл быстро и бесшумно. Резко содрал бумагу, скомкал её, швырнул в урну, стоявшую в двух шагах, и тут же пошкандыбал дальше. Максим сумел только перехватить его взгляд – совершенно пустой, а ещё отметил, что никаких нашивок на спецовке у «серого» нет. Что это за дворник такой? И ведь совсем не старый, как раз из целевой группы объявленья! «Ну и андроид!» – аж поёжился Коюров, ещё раз вбирая взглядом дробные, какие-то дискретные движения рук и ног стремительно удаляющейся фигуры. И спина-то у него неестественно плоская, прямая, будто фанеру к ней приколотили! «Архаика здесь сошлась с футуристикой...» – резюмировал Коюров, возвращаясь к машине.

– Матильда, открывай... – обронил, кончиками пальцев прикоснувшись к ещё тёплому капоту, – за шумом ветра, шин снующих туда-сюда машин едва слышал собственный голос. Ободряюще шлёпнули отпираемые запоры. Ну да, Матильда, конечно, молодец... Спутники в небе шалят, она никогда не ломается. Скорее может облажаться он сам, Коюров, как только что с этим вздорным листком с тремя оставшимися зубцами.

– Отдыхай, Матильда, – бросил Максим, снова плюхнувшись за руль. – Никаких подсказок пока от тебя не требуется...

– Я же не виновата, что данных почему-то нет... – протянула Матильда обиженно.

– Ладно-ладно, не бери в голову! – унтерским тоном оборвал её ламентацию Коюров. – Выведи-ка лучше мне на монитор карту этого милого городка, пока я шею совсем не свернул...

К этому моменту Максим уже не только ехал – вёл «стрижа» по улице Урицкого по-прежнему на скорости пенсионера-дачника, – но и время от времени поглядывал на телефон, брошенный на пассажирское сиденье. Хотя вроде и запомнил нужный маршрут, предпочитал всё же периодически сверять ландшафт за окнами машины со схемой на дисплее. Но в какой-то момент дисплей погас – так пришлось потыкать в него пальцем, чтобы снова зажечь. И вот тут Матильда как раз выполнила его указание – на экране «торпеды» появилась какая-то схема, уже одним только своим серо-голубым фоном резко отличавшаяся от той жёлтенькой карты, что светилась в телефоне.

– Вот, карта Милоровска! – триумфально возвестила Матильда.

– Улицу Урицкого, Матильдушка, пожалуйста, – попросил Максим не без досады на самого себя, поскольку мог бы сообразить сразу, – мыслей водителя компьютеры мобилей пока что не читают; по крайней мере, Коюров о таких опциях что-то не слышал, хотя по долгу службы следил за всякими такими новинками. – Дом номер...

Повернув голову вправо, Максим бросил в окно дверцы предельно сосредоточенный взгляд, аж брови сдвинул к переносице, – чтобы не пропустить нужную табличку. А за окном тянулся однообразный сплошной забор из покрытого ядовито-зелёным полимером профнастила. Вдруг на секунду забор прервался, мелькнула дверь КПП с большим блестящим прямоугольным шильдиком казённой вывески – «Институт инновационных информационных технологий»!

– Вот, Матильдушка, ищи! – выкрикнув название, Максим тут же снова переключил внимание на дорогу – к счастью, ничего фатального за пропущенную им секунду там не случилось.

– Такого института здесь не вижу... – прокудахтала Матильда после некоторой паузы.

– Как! – взорвался Коюров и снова метнул взгляд в окно: забор успел закончиться, вместо него мимо проплывал дом, такой же тёмно-бурый, как и тот, у которого Максим производил первоначальную «топопривязку» – похоже, тут всё было тёмно-бурым, если не ярко-зелёным. – Да вот же, дом номер семнадцать!

– Дом номер семнадцать по улице Урицкого! – объявила Матильда бравурно. Карта на экране «торпеды» сдвинулась в сторону и вверх, слегка укрупнилась.

Максим свёл брови ещё теснее. Топография на дисплее, похоже, была верной, пока верной. «Нет, ну точно сегодня – день жестоких чудес. Пора бы им и закончиться, – подумал Максим. До цели оставалось совсем уже рукой подать. – А вообще надо было взять с собой бинокль...»

2

В самом деле, путь оказался короче, не тридцать кварталов, обошлось меньшим числом. И всё же Максим перевёл дух, только когда уже заруливал во двор дома номер двадцать два по улице Металлистов. «А названия здесь точно как у нас дома!» – ещё раз отметил Максим. Домом Коюров всё ещё называл Вологду, хотя примерно уже полтора года жил в Москве.

Однако визуально дворик не очень напомнил ему родину. Четыре пятиэтажки стояли скобкой. Такие пёстрые, как рождественский кулич, из разноцветного кирпича, наверно, и в областной столице попадались, но эти были все разные, с затейливыми фронтонами и эркерами, а у одного имелся даже портик, и вместе они наводили на мысль, что это не настоящие жилища, а сверхреалистичная декорация к мелодраме или комедии из провинциальной жизни. «По ходу, ещё лет двадцать назад на месте этого Милоровска было чистое поле, – прикинул Коюров, ловко загоня „стрижа“ в довольно тесный промежуток между двумя машинками на парковочной площадке – и прежде он любил блеснуть своими водительскими навыками, а Москва и вовсе приучила экономить пространство. – А вот парк мобилей здесь – это просто какой-то хлам на колёсах!»

Сложил у «стрижа» «уши» – зеркала заднего вида. Возможно, и зря так плотно втёрся меж двумя этими рыдванами. По возрасту колымаги годились для выставки ретроавтомобилей, если бы не их крайне дряхлый вид. Не покорежили бы его «стрижа», если хозяева вдруг надумают ехать... Ну да, авось долго здесь не задержусь...

Аккуратно Максим выбрался из машины, накинув – для солидности – лёгкую курточку светлой чесучи да прихватив барсетку. Сумочка с виду компактная, даже небольшая, вид имела обманчивый. На самом деле в неё вмещалось куда больше разных интересных предметов, чем требовалось обычному водителю мобилей.

Несколько шагов в сторону, остановился, начал осматриваться. С одобрением отметил наличие вполне годной к употреблению детской площадки строго посередине двора. Качелька, горка, песочница, хитрые лестницы из металлических колец – эти вполне бы могли вписаться в армейскую полосу препятствий. Заботятся о подрастающем поколении! Вот только поколения этого что-то сейчас не видно... Неурочный час? Зато возле одного из подъездов интересующего его дома – а подъездов этих всего три – на лавочке судачат старушки. По его прикидкам, ему как раз туда и надо. Значит, не избежать этой засады...

Ба, а это что за будочка в углу двора? Ларёк по приёму стеклотары и прочего ценного сырья? Да нет, вроде киоск Роспечати. Ничего себе! И окошечко открыто – опять-таки вполне рабочая, действующая точка продажи. Интересный городок, здесь не только читают бумажную прессу, но и продают её прямо во дворах. Надо будет выяснить, насколько такой подход оправдывает себя в экономическом плане, в смысле выручки. Только не прямо сразу. Сначала всё-таки визит в дом номер двадцать два, квартиру семнадцать...

Максим двинулся в сторону подъезда нарочито неспешно. Старушки вдруг снялись с насиженной лавки, потянулись в разных направлениях. Прекрасно! Одной досадной мелочью меньше...

Однако получилось не совсем так. Одна из старушек – впрочем, уже через секунду стало ясно, что старушкой её никак нельзя было назвать, очень даже крепкая тётка, – шагала прямо навстречу Максиму. Он нарочно старался на неё не смотреть – надеялся проскочить мимо, не привлекая особого внимания. Ну так, слегка косился, конечно, исподтишка, оценивал разные подробности... профессиональная привычка. Так нет же, тётка сама не преминула окинуть его взором с ног до головы. И не один раз – пока сходились ближе! И взор этот был – ого-го! Такой цепкий – всем бы нашим участковым, успел подумать Максим.

– Здравствуйте! – обратилась она к нему зычным и совсем не старческим голосом. Да какое там старчество! На ней ещё можно было пахать! Они практически уже поравнялись. Да ещё бы немного, и они бы уже друг с другом разошлись! Так нет, надо было случиться этому «здравствуйте!». А Максим не мог не ответить, ведь он был такой вежливый и воспитанный молодой человек, притом ещё столь подтянутой и располагающей к себе наружности.

– Здравствуйте, – на ходу бросил Максим. Чуть прибавил шагу.

– А вы ведь нездешний, – заметила вдруг общительная тётка. Почти уже ему в спину. Это было утверждение – не вопрос. Максим остановился и повернулся к ней лицом, зачем-то расправил галстук, то ли от ветра, то ли по собственному почину завернувшийся каким-то неэстетичным крючком. Воспитанный и чрезвычайно приличный молодой человек!

– Да, – подтвердил он. За ту долю секунды, что понадобилась ему на этот полуразворот, на разглаживание галстука, он взвесил альтернативы и пришёл к выводу, что по этому пункту лучше не врать – он в самом деле нездешний.

Тётка довольно покивала улыбающейся загорелой физиономией.

– А как вы догадались? – тоже улыбнулся Максим.

– Да я же здесь всех знаю! – простодушно призналась наблюдательная аборигенша. – Да и говор у вас какой-то ненашенский. Вроде окаете? Волгарь?

– Да нет, москвич! – Максим улыбнулся ещё шире. Добавил: – Из понаехавших.

– А! – понимающе протянула «туземка». – Ищете кого?

Максим решил, что и по этому пункту тоже лучше не врать.

– Да, ищу, – сказал он. – Девушку. Татьяну Белозёрову. Может, знаете? Она же здесь живёт...

– Знаю, знаю! – решительно подтвердила собеседница. – Меня, кстати, тоже Татьяной зовут! – сообщила она с неожиданным кокетством («Познакомиться, что ли, набивается?! – слегка даже опешил Максим. – Ни фига себе девушка средних лет с чувством юмора и без вредных привычек!»). – Татьяной Макаровной, – пояснила словоохотливая милоровчанка. – Или просто Макаровной. Так все тут меня кличут. А Татьяну, Танечку, я, конечно, хорошо знаю. Только ведь она тут наездами живёт. В Москву вроде перебралась. А на той недельке вдруг вернулась назад и... – тут Макаровна понизила голос, – и вроде как пропала!..

– Вы так считаете? – Максим сузил глаза. Пытался прочитать в забронзовевшем, задубевшем под солнцем лице Макаровны то, что она пока ещё не сообщила.

– Да я не считаю! Я знаю! – возразила Макаровна решительно. – А кстати, ты-то кто будешь нашей Танечке, мил человек? Жених?

Максим на секунду стушевался. Такие требовательные прозвучали в голосе Макаровны нотки.

– Я... я частный детектив, – произнёс он негромко. – Я...

– Детектив? – переспросила Макаровна недоверчиво. И где-то даже презрительно. А голос при этом совсем не понижала. – Да кто же тебя нанял! Таня ведь сирота круглая!..

– Нанял... ведь был у неё один человек в Москве... – Максим чуть было не брякнул «двоюродный дядюшка», или даже «дедушка», но эту версию, которая, надо признать, только что взбрела в голову, с ходу и отверг. Всеведущая Макаровна действительно могла знать родственные связи Тани много лучше, чем он мог предполагать. Вместо этого Максим предъявил Макаровне уже развёрнутое удостоверение частного детектива на имя Максима Анатольевича Мудрова. Макаровна рассматривала ксиву весьма насуплено в течение нескольких секунд и, похоже, поверила документу.

– Так, говорите, Таня пропала? – спросил Максим, наконец-то убирая удостоверение в карман куртки. – Что-нибудь конкретное вам известно? Как? Что случилось?

Макаровна непроницаемо глядела на него исподлобья.

– Любая помощь мною очень ценится, – Максим изобразил на лице хитрую улыбку, приличествующую частному сыскарю средней руки.

– Нет, ничего конкретного я тебе, Максим Анатольич, не могу сказать, – выдавила Макаровна, уловив-таки намёк. – Но только Танечка пропала, это точно.

– Ага, – Коюров поиграл желваками, изображая работу мысли. – А какая вообще обстановка в городе? Ничего необычного за последнее время не случилось? Странного. Вот, говорят, вспышка кенгуриного гриппа у вас?

Лицо Макаровны показалось ему высеченным из гранита – до того серьёзным вдруг сделалось.

– Какой-какой грипп? – переспросила она.

– Кенгуриный, – чуть не по слогам повторил Коюров. – Его ещё австралийским называют. Да ведь все сейчас про него толкуют.

– Я слышала, слышала! – подтвердила Макаровна, снова размашисто кивая головой. – По телепьютеру! На форумах читала!.. Но чтобы у нас... У нас сейчас никакой эпидемии нет, это я точно знаю. И вообще, вроде всё спокойно, – добавила она не очень, впрочем, уверенно. Тут же продолжила, довольно напористо: – А про Таню я вот что тебе скажу. Видела я её неделю... нет, дня три-четыре назад. Мы же с ней в одном подъезде живём. По лестнице спускалась, Таню увидела. Удивилась. Спрашиваю, ты же вроде в Москве? А она: вот, пришлось приехать... И всё. А последний раз я видела её... наверно, в этот же день вечером. Из квартиры. Таня как раз вышла во двор, а тут откуда ни возьмись машина подъезжает. Из неё двое парней. Крепкие такие, плечистые. И прямёхонько к Тане. Ну... она-то их явно не ждала. Разговор там у них... я не слышала, но думаю, неприятный. Таня им что-то говорила. А они её под руки и – хотели в машину. А Таня вдруг их как толкнёт! Обоих! Они только в разные стороны полетели! А Таня бежать! Я ещё никого не видела – чтоб так бежал! Даже на Олимпиаде! Или на чемпионате мира! Ну разве что в кино, про этого... терминатора...

– Да ну! – изумился Коюров. – Так что же, ей удалось?..

– Какое там! – только махнула рукой Макаровна, чуть-чуть даже осерчав от расстройства («А почему? – успел вставить Максим. – Сами же говорите...»).

– Я же говорю, они были на машине! – выпалила Макаровна раздражённо; будто собеседник не понимал каких-то чрезвычайно простых, очевидных вещей. – Ухари те, да, упали! Но тут же снова на ноги вскочили и запрыгнули в машину! И погнались за Таней! И как бы она быстро ни бегала, машина оказалась всё равно быстрее!

– То есть они её всё-таки схватили... – протянул Коюров растерянно.

– Вот чего не видела, того не видела! – ответила Макаровна хлёстко. – Далекое они уже были! Но Таню я потом тоже не видела! Так что думаю, она от них не ушла...

– Та-ак... – хмыкнул Максим. – Скверно... А что же вы в полицию не заявили?

– А на что ж заявлять? – Макаровна аж всплеснула ручищами. – Мало ли парней за девками гоняется и потом в машины сажает... что ж на всех заявлять!

– Но хорошо... а потом? Сами же только что сказали: пропала? – наседал Максим.

– Ну да, пропала. Но это я только сейчас поняла, – сообщила ему Макаровна, скроив прехитрющую доверительную мину и понизив голос. – Как ты спрашивать начал, так и поняла.

– А, задним, значит, числом! – поморщился Максим.

– Что-что? – буркнула Макаровна сварливо. Вот в эту минуту она выглядела настоящей старухой – старухой-склочницей. И сплетницей. Обаятельная сексапильная крепкая тетка внешне как бы отступила куда-то на задний план.

– Неважно, – отмахнулся Максим. – Так вы говорите, что в одном подъезде живете?

– Ты не думай, мы тоже детективы по телепу смотрим! – взвилась Макаровна, точно шилом её кольнули. И тут же продолжила другим, угрюмым тоном: – Да, живу, а что!

– Не могли бы мне дверь в подъезд открыть? – Коюров включил самую обворожительную из своих улыбок.

– Могу! Только тебе-то что?! – кипятилась старуха.

– Хочу на Танину квартиру взглянуть, – пояснил Максим. – Может, что интересное увижу...

– Ладно, провожу! – проворчала Макаровна.

Недолгий путь до подъезда Коюров занял подобием светской беседы. Спросил про погоду, вообще про климат в Милоровске, потом опять – про обстановку... При этом даже попытался взять Макаровну под ручку – но она вызволила свою массивную руку из его осторожного захвата. Держалась холодно. Открыв дверь магнитным ключом, неожиданно спросила:

– А как же ты в Танину квартиру попадёшь, ведь она закрыта?

– Да это я неудачно выразился! – улыбнулся Максим. – Мне хотя бы на дверь посмотреть, нет ли следов взлома.

– Ага... – промычала Макаровна.

– Всё, дальше я сам! – сказал Максим, одною рукой удерживая открытую дверь в подъезд, а другую – выставив перед Макаровой как шлагбаум.

«До чего въедливая старуха! – отметил он, шагая по ступенькам. – Ведь даже имя из аусвайса считала! Зато про взрыв в НИИ сельхозмашин ни мур-мур...»

На площадке Коюров сначала посмотрел по сторонам, прислушался, потом извлек из борсетки набор отмычек (универсальный ключ от магнитного замка у него тоже имелся, однако он предпочёл проникнуть в подъезд более натуральным способом, раз уж беседы с Макаровой не удалось избежать).

3

Переступив порог, Максим попал в другой мир. В пространство, которое существовало совершенно параллельно невинному уличному флирту, мелкому обману и правонарушениям средней тяжести. Время здесь застыло, законсервированные в нём предметы едва слышно тосковали по ушедшей отсюда жизни. Запахи были сильнее – всего сильнее. Как бы поверх тёплой затхлости давно не проветриваемого помещения, в которой легко различался душок прогретой пыли, аромат увядающих, засыхающих без поливки цветов, отчётливо звенел аромат духов Тани. Да, вот он и проник туда, где она жила...

Коюров не глядя повернул барашек замка, запирая за собой дверь. В центре белой пластмассовой коробочки, прикреплённой к стене над верхним наличником, пульсировала сочная красная капля сигнального светодиода. «Ну почему же внутри, а не снаружи! – чертыхнулся Коюров про себя. – Обычно выставляют этот диод напоказ – чтобы отпугивать незадачливых домушников...» Впрочем, знай он о сигнализации, что бы это изменило? Всё равно бы полез!

«Не впадать в панику, – одёрнул себя Коюров. – Авось успею до приезда гоблинов». Включил свет, оглянулся в тесноватой прихожей. Вот: на обувной тумбочке база телефона, и в неё вставлена трубка – на зарядку. Разумно. Выхватил трубку из посадочного гнезда, нажал кнопку вызовов. Так и есть, последний звонок был сделан по адресу «охрана».

– Таня, какая же ты у меня умница! – пропел Максим про себя.

Одновременно выключил сигнализацию (светодиод погас) и нажал вызов. До чего же медленно работает связь! Ответили после второго гудка, казённый, а может быть, просто усталый женский голос: – Вневедомственная охрана...

– Металлистов 22, квартира 17, снимаю квартиру с сигнализации! – выдал Коюров бодренькой скороговоркой.

– Назовите кодовое слово... – всё так же монотонно продолжила усталая диспетчерша. И выжидательно замолчала.

Максим никаких попыток – типа угадай с трёх раз или с трёх нот – делать не стал. Нажал на телефоне кнопку отбоя, снова воткнул аппарат в базу – продолжай заряжаться...

Кинулся в комнату – может, чересчур порывисто, но времени оставалось в обрез. Квартира была однокомнатной. Ну да, ведь Таня как-то раз говорила. Да и кто даст сироте из детского дома многокомнатные хоромы? Хорошо хоть однушка нашлась.

Обстановка довольно бедная – платяной шкаф, диван (он же, наверно, и кровать), перед ним низенький журнальный столик – пара-тройка каких-то тоненьких и не очень глянцевых изданий в самом деле на нём лежала. Телепьютера нет, однако на тумбочке в углу оставлен сложенный нетбук. Ничего, что могло бы пролить свет... «А на что ты рассчитывал? – спросил себя Максим. – На подробную записку, в которой изложены подробности и обстоятельства? Так, посмотрим ещё, что там на кухне...» Однако на кухню попасть не удалось.

– Выходите с поднятыми руками! – раздался грубый голос из прихожей.

«О, местная охрана не зря свой хлеб ест!» – восхитился Максим.

Коюров вернулся в прихожую не просто с поднятыми руками. В левой он держал полицейское удостоверение на имя старшего лейтенанта Михаила Анатольевича Муренкова, а в правой – Особый Ордер. Пластиковый жетон Ордера был практически настоящим – в чип забиты были биометрические данные самого Максима, да и голографическая карточка изображала не чью-нибудь, а именно его физию – вот только выписан был документ опять-таки на имя старшего лейтенанта Михаила Анатольевича Муренкова, оперуполномоченного особого (снова особого!) отдела областного управления внутренних дел (оно и понятно: чтоб не было глупого разнобоя в личных данных предьявителя). Матерчатые перчатки (с резиновыми пупырышками на внутренней поверхности), в которых он вошёл в квартиру, он успел

сдёрнуть и запихать в карманы куртки. Двое чоповцев в чёрной униформе, в глубоких касках по брови, закрывающих уши, стояли в дверях квартиры, наставив на него раструбы укороченных «бердышей».

– Старший лейтенант Муренков, особый отдел! – с улыбкою представился Коюров.

Чоповцы, однако, глядели на него по-прежнему насупленно. Один из них взял протянутые Коюровым документы, другой всё так же держал его на прицеле.

– Знаете, какие права даёт Особый Ордер? – небрежно поинтересовался Максим. Руки он уже опустил, не дожидаясь разрешения.

– Знаем, – буркнул первый гоблин, продолжая придирчиво разглядывать поданные ему жетоны. Коюров нарушил как минимум четыре федеральных закона, включая закон о неприкосновенности жилища и закон о неправомерном вторжении на охраняемую территорию (глупый и совершенно ненужный закон, по мнению многих, но утвержденный обеими палатами парламента лет пять назад). Так вот, Ордер давал полный иммунитет на подобные обвинения.

Потому, должно быть, чоповец с такой видимой неохотой и разочарованием вернул документы Коюрову. Тот убрал их во внутренние карманы куртки.

– А позвольте полюбопытствоваться, чем наш скромный городок так заинтересовал полицию областного центра? – сильным недружелюбным голосом проскрипел первый гоблин.

– Вообще-то Особый Ордер даёт мне право не отвечать на этот вопрос, но для вас я, пожалуй, сделаю исключение, – осклабился Коюров. – Террористическая угроза. Как известно, Особые Ордера были введены с резким обострением террористических угроз. Так вот, здесь я именно по такому делу. Нам известно, что проживающая здесь гражданка Белозёрова уже примерно пять дней, как находится... вернее, местонахождение её неизвестно. И есть все основания предполагать, что внезапное исчезновение гражданки Белозёровой связано с латентной террористической угрозой. Большого я сказать не могу.

Чоповцы переглянулись – как показалось Коюрову, не только угрюмо, но и растерянно.

– Да-да! – настаивал на своём Максим. – А что, какая вообще обстановка в городе? Что слышно? Эпидемий никаких нет?

– Эпидемий? – как бы даже изумленно переспросил второй гоблин. – Да нет, ничего такого вроде нет. И обстановка вроде спокойная... – почему-то и он касательно обстановки в целом отвечал не очень уверенно, отметил Максим. – Ничего вроде не слышно...

– Так-так... – покивал Максим. И вдруг добавил: – Где тут у вас можно вечером хорошо отдохнуть? Развлечься? Подраться?

Второй гоблин засмеялся.

– Я серьёзно! – обиделся Максим.

– Есть тут у нас один ресторанчик, – начал объяснять первый чоповец. – Туда серьёзная публика ходит. Так и называется – «Ветеран»... А если...

– А если подраться, – хохотнул второй гоблин, – есть и другой. «Человек-жук». Только...

– Только – что? – перебил Коюров.

– Только если до драки в самом деле дойдёт, серьёзно навалить могут! – с удовольствием заверил гоблин-весельчак. – Контингент полуотмороженный – роботы с механического завода!

– Продвинутый у вас город! – одобрил Максим. – Всю жизнь мечтал подраться с роботом! Ещё лучше – с терминатором!

– У нас, кстати, свой «Кибердайн» есть... – заметил весёлый гоблин с несколько загадочной улыбкой.

«Что?!» – чуть было не вырвалось у Максима. Он-то этот фильм сто раз смотрел – опять-таки в детстве, в гостях у бабушки с бабушкой. Но чтоб всякие юнцы про «Кибердайн» знали...

– Шутка, – широко улыбнулся гоблин. – Называется НИИ наноэлектроники...

– А раньше назывался «информационных инноваций», – буркнул первый чоповец хмуро. Коюрова будто сковородой по башке хватили – да вдобавок ещё раскалённой.

Наноэлектроники! На что-то похоже... А вывеску не сменили! Вот почему Матильда путалась...

– Что-то многовато у вас НИИ, – заметил Максим вслух. – Какой-то технопарк...

– Берите выше!.. – начал весёлый гоблин развязно. – Милоровск – это...

– ...Техноград!.. – угрюмо пробубнил его напарник.

– ...заповедник НИИ, – продолжил свою мысль весельчак и, гордо задрал нос, добавил: – Между прочим, ещё с прошлого века!

– Вот оно что! – как бы удивлённо потряс головой Коюров, а сам думал про то, что уже слышал что-то подобное – от Тани... – А что у вас за названия улиц такие странные? Старомодные. Вот, например, Металлистов.

– А! – понимающе хмыкнул весёлый гоблин. – Так я же говорю: ещё с прошлого века! Люди со всей страны сюда съезжались и названия давали по приколу – чтоб как дома у себя улицы были. Чтоб заветы хранить, так сказать.

– А! – в свою очередь округлил глаза Коюров. – Теперь понятно. Тогда где тут у вас поесть сейчас можно? А то жрать хочу – слона бы съел.

– Можно в столовке по соседству, буквально в соседнем доме... – бросил первый гоблин, кивнув себе через плечо. – А можно как раз в «Человеке-жуке». Сейчас там должно быть спокойно...

– Да? Подскажите, как проехать? – с надеждой уставился на него Максим.

– Да не нужно туда ехать!.. – радостно бухнул весёлый гоблин. – Это рядом – дворами.

– Отлично! Кстати, куда можно податься на постой?

– Можно в гостиницу «Алконост», – протянул первый гоблин равнодушно.

– Прекрасно! Так какое всё-таки кодовое слово? – поинтересовался Максим.

– Его только хозяйка знает, – пожевав губами, выдавил первый гоблин так неохотно, будто разглашал величайшую военную тайну.

– А как же теперь снова на сигнализацию поставить? – удивился Максим.

– Мы сами это сделаем, – проскрипел первый гоблин снова жёстко. – Надеюсь, вы всё осмотрели, товарищ старший лейтенант?

– В общем, да, – пожал плечами Максим. – Сумочку вот только в комнате возьму.

Вместе вышли из квартиры и спустились вниз. За те пять – или сколько их было? – минут, что заняла у Максима эта вылазка, небо полностью очистилось от облаков, и солнце теперь сияло и грело почти как летом.

– Приятного пребывания в Милоровске! – буркнул первый гоблин на прощанье. Они неходко потопали к своему серому «уазику».

– Очень надеюсь! – махнул рукой в ответ Коюров. Ему показалось, что хмурый чоповец вполголоса бросил второму: «Мутный тип...»

«Что, теперь ещё проверить местную печать...» – подумал Максим. Вдруг промелькнула другая, совсем не служебная мысль. От неожиданности Коюров чуть не сбился с шага. Визит, вылазка, разведка. Как ни назови – есть тут что-то глубоко неправильное...

Золотистым облачком далеко на горизонте вспыхнула и погасла грустная радость встречи. Почти встречи.

4

Он был в самом начале пути. Ничего ещё по-настоящему не прояснилось, ничто не стало окончательным.

К киоску Роспечати Коюров шагал до того неспешно – чуть не нога за ногу. Солнце било в лицо, пригревало на удивление, Максим даже позволял себе щурить глаза. Малозаметных препятствий на пути вроде не просматривалось – гладкий асфальт. Во дворе практически ни души – и с зажмуренными глазами ни с кем не столкнёшься. Если только парашютист какой прямо перед носом с неба не рухнет. Хм... что это ещё за мысль? Однако весьма показательная, предательская. Головой тебя выдала – есть у тебя тайная склонность. Не паникёр, но фантазёр.

Нынешний начальник Коюрова, непосредственный, Фёдор Васильевич Быстров, ещё несколько лет назад его раскусил. Хотя он и тогда Максиму шефом был, – оба в те времена в областной столице обретались. «А ты, Коюров, оказывается, Жюль Верн и Эдгар По. Ужастики, часом, не сочиняешь по ночам?» И ведь не по результатам тестирования вывод сделал, а вполне самостоятельно по каким-то другим признакам просчитал. На тестированиях-то Коюров и «шкериться» умел, маскировать мысли. Только не от знатока дедукции и индукции Быстрова.

«Ну что ж, фантазёр, фантазируй, самое время», – сказал себе Максим. И тут же взял самый сухой и деловой тон, принялся рассуждать трезво и рационально.

«Проверить записи здешних видеокамер за последние четыре дня. Четыре дома, десять подъездов; на всех должно иметься видеонаблюдение. Подручными средствами мне это, пожалуй, не под силу... Значит, придётся задействовать Силыча... Силыч порой капризен, может закобениться – но только для проформы; потому – обязан оказывать всемерное содействие... А ещё не худо бы залезть в файлы местной полиции... Самому мне это тоже, скорее, не по зубам, значит, опять Силыч...»

Эх, надо было получше расспросить Татьяну Макаровну, когда точно она видела этих плечистых парней!.. Хотя – она же говорит, что её тут все знают; значит, найти легко... Только ведь не расскажет ничего больше Макаровна, как пить дать, не расскажет! Хоть её всю озолоти!

Да и на что ты рассчитываешь, получив нужную картинку? Надо ещё опознать этих парней! А это опять-таки работа не одного дня! А времени у меня не так много... Гоблины могут запросто поинтересоваться, есть ли такой старлей Муренков в областном УВД. И сразу узнают правду... Кстати, эти два гоблина тоже парни плечистые...»

Максим вдруг представил, как чоповцы, которые сегодня явно были не прочь повязать его самого, пакуют в машину Таню... Только ведь, если верить Макаровне, сначала Таня их толкнула – обоих сшибла с ног. А после кинулась бежать – резко и быстро, как терминатор. Коюров прекрасно это со слов Макаровны уяснил.

Эх, где тут сказка, а где чистая правда... Макаровна-то, похоже, та ещё мастерица приврать. Хотя в этих-то подробностях – толкнула, побежала, как на Олимпиадах и чемпионатах не бегают, – кажется, вполне простодушна была. При том что – в этом тоже надо признаться честно – сам-то он ни разу не видел Таню бегущей. И она ни разу его не толкала – так, чтобы с копыт долой. Ну вот как-то не сподобились, не всё пока в их отношениях случилось, до силовых приёмов не дошли, не успели ещё... И однако Таня, Таня, которую он видел и знал – лишь до какой-то степени, оказывается, знал, но всё же знал, знал, – в эту красочно, хотя и косноязычно обрисованную сцену стычки и погони вписывалась на все сто! Да, она такая! Если коня на скаку остановить или там в горящую избу войти... А он только сейчас это сообразил, допёр! Вон Макаровна, спец по дедукции, тоже отожгла: «Это я сейчас поняла, что похищение...»

Детективы она по телепьютеру, видите ли, смотрит. Раздувался от чванства, стоя рядом с ней. Но сам-то оказался сильно умней? Тоже ведь стегозавр, задним умом крепкий...

Максим криво усмехнулся, помотал головой. Это всё дела уже прошлые. Впредь больше не портачить, вот что теперь важно. И опять взялся рассуждать сухо, по пунктам, эмоции снова выключил:

«Поднять материалы по всем местным группировкам... преступным и просто молодёжным. Особенно – по молодёжи золотой. А также – по разным маньякам, по всем в подобных делах замеченным, кто состоит на учёте, кто хоть раз в сводку попал... Всех, всех охватить! Опять-таки задачка по силам только Силычу. Придётся во всём на него положиться».

– Здравствуйте, мне бы все местные газеты за последние дни! – как ни утишал Максим шаги, а всё равно ведь упёрся в киоск, к которому так методично продвигался.

– Только за два дня! – металлическим голосом лязгнула тётка в окошечке – вроде интеллигентная с виду, даже в очках; голова, как у болонки, вся в мелких белесых кудряшках. – Остальные отправлены в типографию!

– За два так за два, – покорно согласился Коюров, – давайте! Сколько с меня? И где я могу посмотреть предыдущие номера?

– В городской библиотеке! – отрезала «болонка», пропихивая в окошечко стопку газет.

– Спасибо! – поблагодарил Коюров – вежливый молодой человек. Но перед тем как отойти в сторону, закинул на пробу ещё один вопрос:

– А что, в тех предыдущих номерах ничего интересного не было? Раз их не раскупили?

Едва не высунув в амбразуру собственную голову, киоскерша смерила Коюрова пристальным взглядом сквозь стальные очки, отрывисто процедила:

– Об-бычные газеты! Весь тир-раж никогда не раскупают!

Пробормотав ещё одно «спасибо», Максим отвесил торговке полупоклон, развернулся и пошагал прочь. Присел на пустую лавочку неподалёку. Принялся шелестеть газетами – они и в самом деле оказались самыми обычными. Заметки о начале учебного года, о введении новых пешеходных переходов на каких-то там улицах, о новом сезоне во Дворце культуры и о новой же сессии местной думы. А вот о взрыве в проходной НИИ сельхозмашин – молчок, будто и не было. Или было – да крайне давно. Про австралийскую эпидемию тоже полнейшая тишина. Хотя... быть может, не та тема, которую следует муссировать в каждом номере. Так что и впрямь дорожка ему стелется в библиотеку, куда, собственно, и киоскерша его отфутболила... должен там быть зал периодики. Максим тут же представил себе светлое, покойное, тихое помещение; читатели, все как один изнурённые книжной премудростью бледные ботаники, прилежно склонились за столами к журналам и газетам; тишина, едва слышно гудит кондей, нагоняя в зал прохладный воздух, насыщенный кислородом. «Только я пока туда не пойду». Что-то подсказывало, что и старые номера – такой жедохлый номер. Никакого света не прольют... «И на Танину историю тоже», – как бы вдогонку пролетела серенькая, стёртая мысль. Сам не сразу понял, до чего сейчас додумался. Ни хрена себе! – ведь и тут надеялся провентилировать личный вопрос. *Шкурный*, как говорил Быстров, когда отходил от офиса. Ага, и не просто надеялся, а в первую голову рассчитывал!

5

В машине Коюров первым долгом провентилировал салон. Двор, хоть был и не колодец вроде питерских, с одной стороны вообще разомкнут, под лучами сегодняшнего почти летнего солнца стал каким-то аккумулятором тепла.

Раритетные транспортные средства, между которыми Коюров воткнул «стрижа», за время вылазки и чтения прессы никуда не девались, так и стояли тесным «почётным караулом». «Может, и зря я присоседился к этой архаике», – думал он, бочком пробираясь к водительской дверце. Заднее крыло, на которое Максим оперся рукой, ручка дверцы не показались особо горячими. Но внутри мобилы образовалось подобие духовки – от слова «духота». Максим опустил стёкла в передних дверцах, и как только они поехали вниз – дунуло такой свежестью, какой не было и на улице; октябрьским холодом повеяло! На секунду. Коюров включил в половину громкости песни «Битлз» – Матильда по его просьбе подборку скомпоновала, ремастерированные записи. И тут же выключил. Всё, унесло химическую дрянь, полураспавшиеся молекулы пластика обивки, что там ещё, – снова надо было закрывать окна. Прохлаждаться некогда... Коюров набрал в телефоне номер Силыча.

Связь почему-то долго не устанавливалась, не проходил гудок, молчал, а когда голос робота вдруг пробубнил: «Подключаю дополнительные модули соединения», – Максим всерьёз обеспокоился: что хоть с техникой творится? Даже отвёл телефон от уха, уставился на него. Телефон вручил перед поездкой сам Быстров, якобы очень надёжный гаджет, велел в нынешнюю поездку все звонки делать только с этого аппарата.

Тут сигнал вызова всё-таки воскрес – как если бы «затор» в сети прорвало. Или засор. Максим быстренько поднёс телефон снова к уху. Буквально на втором гудке Силыч откликнулся.

Выпрыгнул на экран – в смысле белобрысая физия его. Весь дисплей телефона красная апоплексическая шайба заняла, до отказа; была у Силыча такая дурацкая привычка – во время разговора мурлом своим забираться чуть ли не прямо в объектив... Можно было пересчитать угри и поры на «картошке» Силыча. Мягкий с вмятиной подбородок ушёл за кадр, равно как и редкий белесый, будто седой ежик на макушке. Силыч был альбинос или почти альбинос. Близко посаженные глазки, почти бесцветные, на крови, с лопнувшими прожилками, хлопали веками как будто без ресниц (на самом деле ресницы имелись, но даже при крупном увеличении их трудно было разглядеть), смотрели с экрана телефона удивлённо. Потому что Максима видели; он у себя тоже камеру включил. И, похоже, не сумел скрыть, что рад видеть круглую пухлую рожу собеседника, – почти родной сейчас она ему показалась, в этом тёплом, солнечном, но чужом и нехорошем Милоровске. Хотя – что за шекспировские нежности, как Быстров бы сказал? Обговорили заранее, как будут держать связь; сейчас никто ни в чём не вышел за рамки, ни он, Коюров, ни Силыч. Что за фобия злонамеренного или хотя бы даже и спонтанно случившегося подвоха? Никаких к чёрту подвохов, главное, вовремя дать себе такую установку!

Он её как раз и дал – но только сейчас. Сканируя удивлённую физию Силыча (а может, не было никакого удивления?), пробуя на зуб пробившую его самого сентиментальщину (может, и сентиментальщина тоже не пробивала?). Всё за ту одну-единственную секунду, пока Силыч глазёнками хлопал. А уж что при этом было на уме у Силыча... И откуда держал связь Силыч, из своего ли кабинета, а может, из квартиры любовницы... может, совершенно голый... одна ведь только физия в объектив влезла, и та – не вполне... Мысль о том, что Силыч сидит сейчас в чём мать родила, взорвала мозг Коюрова десятью тысячами... микрограммов тротила! Ну что за вздор!

Силыч, оригинал, глазки наконец проморгал и молча кивнул; таким было его «здрассте». Максим по сравнению с ним оказался говорлив: буркнул «Привет!», улыбнулся и перешёл к делу. К самой сути дела. Какие сведения надо собрать, что проверить, на какие подробности обратить внимание. Силыч, подтверждая, что слышит Коюрова, продолжал кивать в такт его *тезисам* (Максим добился-таки той сухой, сжатой и концентрированной манеры изложения, какая не вполне удавалась ему наедине с собой; сейчас каждое предложение у него заключало в себе отдельный, самостоятельный пункт задачи). Ну да, Силыч, где бы он там ни был, у себя ли или у своей любовницы, но загружал информацию в память бит за битом, отмечая её поступление возвратно-поступательным покачиванием башки: слегка наклонял здоровенную вперёд, потом возвращал в прежнее положение. И лишь один раз буркнул вальяжно: «Ну, это совершенно понятно!» В результате Коюров, сделав вдох, передержал воздух в себе и, чтоб вернуться в ритм, повторил сказанное с лёгким клёкотом в голосе.

– Это очень важно, очень, – чуть ли не проскандировал Максим.

– Сделаю! – ухнул Силыч, ну чисто марсианин уэллсовский, и таким было его прощание.

Он отключил телефон.

Коюров с минуту сидел молча, задумчиво. Хотел уж было снова музыку запустить, но сразу передумал. Силыч, он, конечно, молодец. Этой своей неразговорчивостью, коротким марсианским уханьем и вообще всей флегматично-сонной непрошибаемой для эмоций физиономией он мог здорово ободрить – конечно, только тех людей, которые Силыча уже хорошо знали, умели расшифровывать его скупые месседжи, что словесные, что мимические. Так вот, в этот раз то ли Максим Силыча не вполне узнал, то ли Силыч сегодня и впрямь чем-то отличался – от себя обычного. Кто-то из них двоих сегодня был не в форме, в смысле не на высоте...

Ладно, «Человека-жука» теперь посетить. И дела ради – разведать, присмотреться, что за «Жук» и какие букашки в нём обитают, да ведь и за воротник что-нибудь забросить надо. На голодный желудок даже философские вопросы не решаются, а его проблема к одной только голой схоластике не сводится. Аккуратно распахнул дверцу, чтоб не вклеить её в бочину соседнего доисторического пепелаца (эх, сам же создал себе такие условия!), выкарабкался наружу; ухватившись за рейлинг на крыше «стрижа», распластался пузом по тёплому серебристому металлу этаким бескрылым насекомым, после чего промежуток между машинами сделался широким и легко проходимым, – одолел его играючи в три приставных шага. К «Жуку» направился пешком, как тот гоблин весёлый и разговорчивый советовал.

Был ведь за плечами у Максима и курс ориентирования на местности в городских условиях в своё время. Между прочим, сдал его на «отлично». Сейчас применил навыки на практике. Карта Милоровска, по крайней мере нужный квадрат, пути-дорожки, ведущие к пресловутому «Человеку-жуку», – всё это уже было в голове, вызубрено, запечатлено на корочке. Так же как и кое-какие сведения про само заведение – в сети нашёл. К удивлению Коюрова, оказалось, кафешки и целые рестораны с таким именем имелись не в одном только в Милоровске, поисковик выдал такой столбец ссылок, что даже не уместился на одну страницу планшетного экрана. Популярный, значит, образ! «Вот, американцы-то не знают! – позлорадствовал Коюров. – А то бы такой калым заломили...» Чтобы полный список не перебирать, состоявший из всех «Жуков» в Нижневартовске, Вышнем Волочке и прочих российских городах и весях, Максим сузил географию запроса. Сразу отыскалась статья в Википедии – именно про «Жука» в Милоровске. Надо же! Статейка, однако, была до обидного куцей, не доведённой до ума, – состояла только лишь из двух предложений. «Специализируется на кухне в стиле „сингупанк“... – такой интересной фразой заканчивался текст. «Сингупанк ещё какой-то... – Максим поворочал слово в уме, прикидывая, какие оно вызывает ассоциации. Ассоциаций, если честно, возникало не густо. – Порубаю, а там снова позвоню Силычу. Пусть пробьёт и про сингупанк заодно...»

Вышел к кафешке кратчайшим образом – дворами, раза два проскочил довольно тесными проходами меж соседствующими домами. А «Жук» -то оказался и не кафешкой, а кафешицей! Это была отдельная одноэтажная, но широкая коробка в ряду пятиэтажек постройки конца нулевых – начала десятых годов. Сама же, по первым прикидкам, представляла собой куда более свежее сооружение. Выпуклая (как панцирь жука!) крыша топорщилась усами, пиками, тарелками антенн. Фронтальная стена состояла исключительно из панелей зеркального бронестекла в прочных широких рамах тёмного, почти чёрного металла; изнутри это конструктивистское богатство наверняка выглядело как ряд тонированных окон высотой от пола до потолка. Фасад делила на две половины коричневая, должно быть, бронзовая рельефная вывеска с названием, нависавшая над двустворчатыми дверями такого же бронированно-зеркального стекла в увесистом обрамлении из опять-таки тёмной бронзы. К стеклянной панели каждой створки были прикручены бронзовые же, тоже слегка выпуклые барельефы, изображавшие человека-жука – персонажа, знакомого всем, кто видел блокбастер. Это был жутко мускулистый человечек с шестью конечностями – двумя парами рук и одной парой ног, антеннами на лбу и крылышками за спиной, кончики их торчали из-под жестких надкрыльев, и даже переданы были прожилки на их непрозрачной, конечно же, в силу использованного материала, поверхности. Человек-жук, the Beetleman. Тускловатые блики расточительного сентябрьского солнца играли на металле, отсветы поярче – на стекле. Стена, стекло и металл будто источали невидимое тепло. Здесь тебя всегда ждут, всегда тебе рады, ты будто вернулся домой...

Такие мысли сверкнули в голове у Максима, когда он толкнул створку двери. Распахнулись сразу обе, удивительно легко, как если бы кто-то могучий почувствовал прикосновение нового посетителя – и подсобил ему в перемещении массивной плиты из стекла и металла. «Усилитель какой-то, как на руле машины», – прикинул Коюров.

Предбанник, тамбур, оказался коротеньким, шага на три для Максима, и голым, совсем без деталей, – такая мрачная коробка, почти куб по размерам, с облицовкой однотонной и тёмной, но почему-то казалось, будто стены и потолок светятся изнутри (а почему бы и нет? опять тёмное стекло применили, застеклили им здесь всё, что можно!). Так вот, если тамбур при всей его простоте уже казался непростым, что же можно было сказать про его продолжение – зал? Он был виден из тамбура – и ошарашивал с первого взгляда. Остановившись на пороге (порога, собственно, не было, так, мысленная черта), Максим аж вытянулся от удивления, остановился с задранной головой. Зал раскинулся вширь, вглубь, ввысь, как громадный крытый стадион. Сводчатый потолок забирался куполом в какую-то туманную вышину. В такую же дымку уходили и стены, отступая в стороны, устремляясь в расплывчатую даль, за маревом которой смутно угадывалась... линия горизонта! Сместившегося чёрт знает куда! Светильники, зажженные на столиках, – таких было всего пять-шесть, и все сгрудились в центре – только в центре и рассеивали царивший в зале полумрак. Воздух был свеж, приятно прохладен, чуть тронут едва уловимым ароматом не то леса, не то луга, наполнен неясными негромкими звуками.

Это что ещё за оптические эффекты? – удивился Максим. Как же здесь народ ходит и шишек не набивает? Или завсегдагаи уже наставили себе синяков – и знают заведение на ощупь, могут по нему носиться с закрытыми глазами? А новичкам если тяжело, пусть не суются или учатся... Осторожно он двинулся вперёд, стараясь одновременно смотреть и прямо перед собой, и под ноги – то и дело чередуя направление взгляда, как если бы пробирался узкой и скользкой тропой да ещё и вдоль обрыва. А навстречу ему тут же устремился кто-то – явно какой-то неслучайный человек. В первую секунду показалось, человек этот летит к нему из той немислимой дали, что сливается с подёрнутым сизой дымкой горизонтом... мчится, мчится и при этом ни на вершок, ни на пядь не приближается. И вдруг разделявшее их чудовищное расстояние разом схлопнулось. Максим оказался снова в привычном пространстве, пространстве не километров, даже не сотен метров, а просто метров. В двух-трёх шагах

от ближайшего столика с фонариком на нём – чуть не налетел! Ведь секунду назад казалось, что сюда ещё топтать да топтать! Застыв на месте, Максим заново вбирал слегка ошарашенным взглядом обстановку. Стены и потолок остались всё такими же недосыгаемыми, *запредельными*, но та часть зала, где расставлены были столики, и дальше – сцена с пюпитрами, стойками микрофонов и прочей музыкальной аппаратурой, были теперь *реальными*... Собственно, то на самом деле и был зал; а вот его циклопические размеры были всего лишь хитрой иллюзией, уловкой, украшения ради. Опять-таки тот человек, что только что летел-летел-летел навстречу Коюрову и не прибывал ни в росте, ни в ширине, был самым настоящим. Сейчас он находился почти что на расстоянии вытянутой руки от Максима. Стоял и широко улыбался. Халдей. Возможно – мэтр.

Удивительно, – хотя, пожалуй, совсем неудивительно – обличьем своим он смахивал на человека-жука барельефов на дверных створках. Желтая рубашка, коричневый переливчатый не то фрак, не то лапсердак с развевающимися фалдами, одновременно смахивающими и на крылья, и на надкрылья. На лацкане белая бирка с крупными буквами, должно быть для слабовидящих: «Андрей». Волосы надо лбом смешно встопорщены – похоже немного на антенны жука, а на затылке собраны в хвост. Аккуратная эспаньолка. Обаятельный оскал превосходных на вид зубов. Халдей Андрей.

– Здравствуйте! – прокаркал он праздничным тенорком. В самые золотые свои годы Коюров не так чтоб уж часто, но бывал в детских кафе, и там ему приходилось видеть затейников, выдававших себя за каких-нибудь гномов, эльфов или фей в нехитром гриме и одеяниях, подобранных по принципу «дешево и сердито». Иные из «сказочных персонажей» подбегали и к юному Максиму, пытались забавлять. Андрей сейчас напомнил ему такого увеселителя. Только «прикинут» с куда большим тщанием – даже чересчур. И к роли своей, несмотря на эту дурашливую ухмылку, подходит слишком серьезно. «Лицедей, мастер перевоплощения...» – неодобрительно отметил Максим.

– Мне только обед, – ответил на приветствие сухо, почти грубо.

– Позвольте вас проводить! – замахал руками «человек-жук» Андрей. – Следуйте за мной!

Словно в танце крутнулся на каблуках и, даже не оглядываясь на клиента, порхающей походочкой засеменял в дальний угол зала по правую руку от эстрады с угрюмо стоявшими на ней инструментами – ударными, синтезатором, гитарами, двумя горбатыми разной высоты стойками микрофонов и двумя пюпитрами с небрежно, криво положенными на них стопками нотных листов.

– Живая музыка? – не слишком находчиво поинтересовался Коюров, когда они проходили совсем вплотную к сцене; у Максима даже проскочила сумасбродная мысль заглянуть в лист партитуры на ближайшем из пюпитров – но для этого пришлось хотя бы одной ногой ступить на возвышение.

– Да! Группа «Боттомлесс орифис», – через плечо радостно залопотал Андрей. – Лауреат конкурсов «Золотые клавиши» и «Жестяной барабан». Общегородская гордость! Играть начнут... э... – уже светящаяся дисплеем мобила словно по собственному хотению выскользнула из рукава лапсердака (или фрака) ему в ладонь; он метнул на дисплей кинжально быстрый взгляд, – примерно через три с половиной часа! – и с таким же волшебным проворством телефон скакнул назад в рукав.

– Замечательно, – бросил Максим несколько рассеянно. Надо признать, продемонстрированная халдеем престижитация его впечатлила. – Боюсь, я не располагаю таким количеством свободного времени, чтобы лично оценить мастерство ваших музыкантов...

– На чем остановите выбор? – поинтересовался мэтр – нет, ну никак не рядовой официант такие фокусы отмачивал, – поедая Коюрова преданным взглядом. Тот, мешковато и робко

притулившись за столиком, уже листал громадного формата меню, то проскакивая через страницу, то, наоборот, не по одному разу пытаюсь подцепить непокорный уголок.

– Я очень рассчитываю на ваш вкус, Андрей, – сдался в конце концов Максим, откладывая карту блюд в сторону. – Что порекомендуете?

– Могу предложить обед а-ля мидиум сингупанк, – доверительно, в ещё более глубоком поклоне склонившись к клиенту, сообщил Андрей.

– Ого! А что это? – выпалил Коюров, при этом, наоборот, попытался откинуть голову назад, потому как хотел смотреть не на топорщившуюся залаченными прядями макушку собеседника, а по возможности в лицо.

– Салат «Силикон Вэлли», суп «Позитрон Магма», жаркое «Сайбер Вил», коктейль «Мнемоориндж» и на десерт «Позитроник Пай», – выпрямившись и стоя навытяжку, почти как стихотворение продекламировал Андрей.

– Ого! – вновь не сдержался Максим. – А что-нибудь... э-э... более традиционное?

– Более традиционное – ну это разве что «однари битлмэн ланч», – возразил Андрей с ноткою обиды в голосе. – А я вам рекомендую лучшее!

– Хорошо, давайте этого вашего... мидиум... – поморщился Коюров.

– Пятнадцать минут ожидания, – заверил Андрей торжественно и вновь поклонился. – Пока можете подключить свой тифон к нашему медиапорталу, – он указал на похожую на планшет продолговатую коробочку с кнопками, кем-то небрежно положенную на столик между основанием светильника и картой блюд; дисплей плоской коробочки был погашен. – И я сейчас принесу вам стартер.

«Что-что?» – хотел уточнить Коюров, но решил не пережимать. Можно было, конечно, изобразить этакую дремучую серость, но ведь на самом деле понял, что имелось в виду, а насколько убедительно получится выставить себя валенком – вопрос. О системе Станиславского он имел всё-таки довольно приблизительное да и чисто школярское представление, хотя его, конечно, и учили в своё время другим методам притворства. Тут же пришла мысль вместо вопроса брякнуть «Валяй!», но и эту идею он отверг и всего лишь утвердительно кивнул. Андрей в очередной раз, как маятник, качнулся в поклоне, затем вздёрнул вверх подбородок, повернулся кругом и замаршировал прочь почти строевым шагом – проделал всё это с лихостью просто гвардейской. Секунду или чуть дольше фигура его казалась застывшей, нет, шагающей на месте... причем непонятно, в десяти ли метрах от Коюрова или же на расстоянии уже километра от него, поскольку странно сливалась с самим горизонтом, тем горизонтом, сумрачным и туманным, ничего дальше которого, сидя здесь, в «Человеке-жуке» за столиком, увидеть было нельзя. И вдруг Андрей пропал, натурально пропал – р-раз! – и нет его, окончательно с сумраком слился. На самом деле, должно быть, пересёк границу оптического эффекта, скрылся за нею, решил Максим. Сейчас, наверно, уже на кухню заходит. «Да, чудеса вы творить умеете...» – мелькнула у Коюрова сварливая мысль.

«Какие жучки-древоточцы изгрызли ваш портал – очень насущный вопрос», – оставшись в одиночестве, Максим первым делом бросил взгляд по сторонам. Два ближайших к нему столика были не заняты, никто за ними пока не сидел. Коюров извлек из кармана куртки телефон, но вместо того чтобы тут же его «оживить», зажечь экран, потыкать пальцем в ярлычки, держал его в ладони низко над столом, задумчиво посматривал на аппарат – будто прикидывал вес. На самом же деле он прикидывал, не прикручены ли видеокамеры к скрытому пресловутым туманом потолку, камеры с хорошими, сильными объективами... Что ж, звонок Силычу, хоть и свербело в одном месте – узнать поскорее, чего он там накопал, острой необходимостью не был, вполне мог ждать. А в сообщении, печатном ли, голосовом ли, вообще не было большого смысла. Да и вряд ли Силыч уже наткнулся на какую-нибудь *жилу*. Ну не такое это дело, чтоб разрулить его вот так, играючи... опыт и интуиция подсказывали.

Всё же прежде чем отправить телефон обратно в карман, Коюров не удержался, развернул на дисплее список избранных абонентов. Дальше – аватарку Тани легонько надавил. Эту фотку Тани он сделал, сумев подловить момент, когда по лицу её скользнула задумчивая и загадочная полуулыбка... Совершенно машинально действовал сейчас, пальцы сами работали, как будто без участия его воли. Ведь тоже – интуиция и опыт ему говорили: скорее всего, зря. А он им отвечал с хладнокровием почти стороннего наблюдателя: а если? а вдруг? Спор решился не в его пользу. Вызов не прошёл, опять. Сначала из динамика аппарата ничего не было слышно, кроме тишины, потом робот женским секретарским голосом промодулировал сакрально-банальное: номер недоступен. Коюров шлёпнул по красной полоске отбоя. Секунду-другую снова держал телефон на ладони над столом, но смотрел не на аппарат, а куда-то вдаль, благо даль, пусть иллюзорная, в заведении имелась. Да, он в Милоровске, и Таня – теперь он точно знал – несколько дней назад тоже находилась в родном городке. Только что это меняет?

Максим поднял глаза – и вовремя, увидел ещё один интересный феномен. Возвращающийся назад Андрей как раз пробил барьер оптического эффекта, наверно, так это можно было назвать. Опять – р-раз! – и вдруг его фигура возникла из ничего, в туманной дали, смыкавшейся с горизонтом. Попирая законы перспективы, крошечным и даже маленьким Андрей, однако, не казался. Как и при уходе на кухню (или куда он там уходил?), пару секунд он снова смешно перебирал ногами на месте, оставаясь на одном и том же удалении, не меняясь в размерах. В руке он держал подносик, а на подносике стоял высокий бокал, на две трети полный переливчато искрившимся напитком лилового цвета. Это и был стартер? Наконец-то у Андрея получилось сорвать себя с мёртвой точки. Он больше не месил ногами пол, теперь по-настоящему двигался, с каждым шагом приближаясь к столику Максима.

– «Скайнет палп дринк», – пояснил он с широкой улыбкой, приближающейся к той демонстрации белозубого оскала, в какой силён был актёр, игравший человека-жука в первой части франшизы (насколько Коюров помнил, парень, сменивший его во второй части, таким же обаяшкой уже не был), переправляя бокал с подносика на стол. – On the house¹!

– Ого! – вырвалось у Коюрова.

– Вы ведь не местный! – заметил Андрей, окидывая клиента снисходительным взглядом. В уголках лукаво сощуренных глаз посверкивали искры торжества. – Такое можно найти только у нас!

– Да я уже понял... – сконфуженно пробормотал Коюров. – А знаете, я тут перед приездом слышал, у вас якобы эпидемия... австралийский грипп... Правда? – спросил он с неожиданной требовательностью; нахмурившись, покосился по сторонам, как если бы опасался, что их могут подслушать, и посмотрел на Андрея пытливым и строгим взглядом.

– Впервые слышу!.. – выпалил тот. – Как сотрудник сферы общественного питания... – на последних словах голос его, однако, потерял недавнюю звонкость.

– Ну, значит, я ошибся! – смягчился Максим. – Не из того источника информацию черпаю. А знаете, что меня по-настоящему у вас удивило? – протянул он с особым нажимом, безжалостно впиваясь в Андрея глазами, в одно мгновение из добродушных ставшими колючими. И не дождавшись его реплики, изрёк тоном приговора: – Отсутствие на улицах вашего города беспилотников.

– Э? – промычал Андрей ошеломлённо.

– В смысле – мобильных-беспилотников. В Москве их полно... Да и на трассе столько бегают, – буднично пояснил Максим.

– А! – выдохнул Андрей с заметным облегчением. И всё же он был смущён, даже растерян, не сразу сумел найти нужные слова:

¹ За счёт заведения (англ.)

– Город у нас консервативный... достаточно... («А как же все эти НИИ?» – успел вставить Коюров) Да, НИИ хватает, – скороговоркою подхватил тему Андрей. – Наш город даже называют заповедником НИИ! – нашёлся он радостно, видно, почуял в избитом клише какую-то опору.

– И тем не менее город консервативен... – уточнил Коюров желчно, почти сварливо.

– Народ, народ! – залопотал Андрей с жаром, обиженно насупившись. – Это народ консервативен!

– Что ж, огромное спасибо... – надменно процедил Коюров. – Я крайне вам обязан... за всю эту бесценную информацию...

– Не стоит преувеличивать! – с не очень хорошо поставленным благодушием рассмеялся Андрей. – Я вас совсем заболтал! Срочно вынужден оставить вас на несколько минут! Инджей ё дринк!

– Спасибо! – Коюров тоже растянул губы в улыбке. – Только ещё секундочку! Последний вопрос! И очень деликатный... – Максим понизил тон.

– Да? – наклонил голову Андрей.

– Послушайте, – продолжал Максим, ещё более приглушив голос. – Не хочу никого обидеть... – он приподнял над столом выставленные вперёд топориками, близко-близко сведённые друг к другу ладони – всё же между ними оставался некоторый зазор; хотел показать, насколько чувствительной собирался коснуться темы. Лицо Андрея вдруг залоснилось от испарины и приняло выражение угрюмого, сосредоточенного внимания. – У вас тут всё такое англоязызированное... американизированное... – осторожно принялся формулировать Коюров. – Мне всегда казалось, что это было в моде до четырнадцатого года... а с двадцать пятого их особенно не любят... словом, вы только не поймите меня превратно, погромов у вас тут не было?

В этот момент Андрей мог бы сойти за актёра древнегреческого театра в маске – гримаса такого безмерного, *взрывающегося* отвращения застыла на его лице.

– А... я понимаю, что вы имеете в виду, – выдавил он замороженным голосом. – Нет, – он решительно потряс головой. – Никаких эксцессов на *этой* почве не было, – добавил Андрей с особым нажимом. – Да, публика у нас порой... несколько простоватая, но к нашему колориту относятся нормально. Город у нас... всё-таки не такой, – процедил он, напоследок попав-таки в подобающую интонацию – оскорбленного гордого достоинства.

– Простите великодушно! – с неискренним воодушевлением воскликнул Коюров и мелодраматически добавил: – И за эти сведения я признателен вам ещё сильнее.

Отвесив поклон, Андрей развернулся и помчался прочь.

«Местечковый патриот – полиглот вдобавок!» – подумал Максим, не преминув проследить за тем, как спина халдея опять на пару секунд замерла в оптической ловушке – чтобы затем исчезнуть в ней без всякого следа. Вполне удовлетворённый увиденным, Коюров отхлебнул из высокого стакана дармовой напиток, пресловутый стартер, – а что ещё оставалось ему сейчас делать? Несмотря на экзотический цвет и пижонское название, «скайнет палп дринк» оказался компот компотом, только с мякотью и в который, кажется, капнули чуть-чуть водки. «Дуют нашего брата!» – горестно резюмировал Коюров.

Ещё раз окинул взором зал – скоротать время ради. В этот раз смотрел больше на людей, чем на интерьер зала. Клиентов было что-то совсем уж немного. Через столик от Максима сидели мужчина и женщина лет тридцати, возможно, семейная пара. Ещё подальше одинокая девушка, симпатичная, только какая-то грустная блондинка, пользовалась местным медиапорталом – над её столиком висел прямоугольник виртуального холоскрин, и поверх курчавых локонов была надета гарнитура наушников. Впрочем, в здешнем полумраке Коюров не мог на все сто поручиться за цвет её волос. Да и за выражение лица тоже. «Эх, жаль, что „Орифис“ так рано не играет! – подумал Коюров. – Можно было б пригласить её на танец, познакомиться...»

Конечно, только если это «Беспштанное отверстие» лабает такую музыку, под которую можно танцевать...

В общем, тренировать наблюдательность особо не на чем – к такому выводу пришёл Максим. Тут и Андрей подрулил с подносом, в этот раз – основным, более основательным, а не как в прошлый раз – площадью только под один бокал. Расставил тарелки на столике, прокукарекав приторное «Бон аппетита!», выпрямился с явным намерением снова исчезнуть, да Максим вдруг сострил в ответ: «Мерси!» – и сбил Андрея с толку; тот отчего-то застыл этаким соляным столпом, к столику боком, так что голову вывернуть пришлось, поскольку уставился на клиента с немым вопросом.

– Ещё раз прошу прощения, Андрей, – начал Коюров искательно, несколько издалека. – Я ведь никоим образом не преследовал цель вас обидеть. Просто хотел понять... – как такой оазис толерантности сохранился в пустыне нынешней жизни. И вообще... хотелось бы получить более широкое представление – чем живёт этот милый городок? Так сказать, из первых уст!

У Андрея промелькнула на лице улыбка, правда, всё ещё осторожная, недоверчивая.

– О, жизнь в нашем милом, как вы изволили выразиться, городке тиха и спокойна!

– Совершенно тиха и спокойна? – повторил Максим.

– Абсолютно! – отчеканил Андрей. – Вместе с тем вы можете провести у нас время очень интересно! У нас, в «Человеке-жуке»! Приходите вечером, помимо живой музыки легендарного «Боттомлесс» вас порадует и многое другое! Вечера в нашем заведении упоительны, просто незабываемы!

– Спасибо, – кивнул Коюров задумчиво. – Непременно воспользуюсь вашим приглашением.

Андрей ретировался в местное «зазеркалье»; причем Максиму показалось, что в этот раз на процедуру «перехода» у него ушло меньше времени (иллюзия; скорее всего, Коюров сам себе это внушил). Теперь можно было и приступить к трапезе.

Тем более что аппетит у него и впрямь разыгрался. За едой Максим понял, что под «сингупанковскими» названиями скрываются самые обычные блюда. Салат, которым он начал трапезу, точно оказался обычным фруктово-овощным салатом.

Когда он с ним покончил и перешёл к супу, грустная блондинка, с которой Максим не прочь был познакомиться, поднялась из-за столика и ушла. «Так музыки и не дождалась!» – с досадой констатировал Коюров.

Зато когда он уже почти выхлебал суп, за тем же самым столиком, который оставила блондинка, расположились двое парней – один мосластый, то ли бритый, то ли лысый; другой – тоже худой, даже скорее субтильный, но лохматый. К ним сразу же подлетел Андрей.

А когда Коюров уже подбирал последние кусочки кибертелятины, на самом деле оказавшейся говядиной, притом, судя по жесткости, от довольно старой коровы, у худошавых парней, всё ещё ожидавших своего заказа, завязалась драка.

Ближайшая к Коюрову семейная парочка с любопытством повернула головы к дерущимся. Мосластый схватил своего патлатого компаньона сначала за грудки, потом – за шкуру и возил его мордой по скатерти стола; тот пытался вывернуться, но у него плохо получалось. Неуклюже сучил ногами под столом, возможно, хотел пнуть противника, но это у него не получалось тоже.

«Вот козлы! – посетовал про себя Коюров без особой, впрочем, злости. – Поесть спокойно не дают...» Он колебался несколько секунд, надеясь, что единоборство и без него примет какой-нибудь разумный исход, потом вскочил с места, намереваясь подойти к дебоширам, чтобы провести несколько обездвиживающих приёмов, но тут, как по волшебству, к дерущимся откуда-то подскочил дюжий громила, по виду – явный вышибала; оторвал бритого от субтильного, ударом громадного, как у мультяшного героя, кулака отправил обидчика в нок-

даун. И тут же – должно быть, в продолжение этого волшебства, – в зал влетела парочка полицейских. Мосластого скрутили, патлатого поставили на ноги. Что-то быстро спросили у него или просто сказали и хулигана увели. Побитый растерянно опустился за столик. Тут как раз подоспел заказ внезапно рассорившихся товарищей – судя по количеству приборов, Андрей принёс еду и питьё для обоих.

Но Максим сам уже покончил с десертом и решил, что не станет ждать разрешения загадки – как же патлатый обойдётся с блюдами, что предназначались для обидчика. Проглотит сам? Да и Андрей, будто прочитал мысли Коюрова, вдруг объявился возле столика. Прямо телепортировался из одной точки пространства в другую. Секунду назад маячил же в десятке метров отсюда. Но улыбка не сходила с его лица.

– Надеюсь, вам понравилось? – лучезарнейше поинтересовался он.

– Очень, – бросил Максим, вытирая салфеткой губы и поднимаясь из-за стола.

«Это и были, что ли, те роботы, о которых так гордо поведал „гоблин“? – спросил он себя, напоследок окинув зал хмурым взглядом. – Однако бились как-то хило и совсем не спортивно...»

До живой музыки так и не досидел, и даже если что интересное стрясётся в ближайшее время – я-то сюда за другим приехал, не Милоровск кабацкий созерцать, подытожил Максим, шагая на выход. Патлатый, жертва внезапного избиения, сидел за столиком с самым потеряннным видом, не притрагиваясь к еде. Вокруг него вились какие-то люди, двое из них были в полицейской форме. Коюров покосился невольно в их сторону, проходя мимо.

– Вот какие дела... – вдруг кто-то сказал вполголоса, почти шёпотом, но как будто прямо ему в ухо. Ещё неизвестно, как бы отреагировал на это менее привычный и натренированный человек. Коюров-то как раз, не сбившись с шага, тут же бросил взгляд в сторону источника звука. Но рядом с Максимом никого не было. Ближайший в этом направлении человек сидел в паре-тройке метров от него, за столиком напротив того, за которым всё ещё мучился от случившегося, предавался меланхолии пострадавший волосатик. Но в отличие от жертвы «дружеского» насилия, окруженной сейчас заботливым вниманием, мужчина за передним столиком пребывал в полном одиночестве. Перед ним стояла бутылка минералки и наполовину заполненный – минералкой же – высокий стакан. Что-то было очень странное в субъекте, но что именно, Максим не сумел понять за ту долю секунды, что успел ему уделить. Может быть, пронзительный взгляд? Да, он как раз смотрел на Коюрова, пристально – и продолжительно, похоже, отнюдь не долю секунды.

Максим слегка мотнул головой – что могло означать и кивок. А могло сойти и за простое произвольное движение. Можно ведь кивать и каким-то собственным мыслям...

Приближаясь к тамбуру, за которым находилась уже улица, большой мир без оптических и звуковых навороченных эффектов, – кстати, оттуда доходил всё же приглушённый свет, проникал внутрь сквозь тонированные стёкла дверей, падал на пол тамбура, – Коюров внутренне напрягся, готовясь опять попасть в пространство перевёрнутых расстояний, но оказалось, что иллюзия работала только в одном направлении – действовала лишь на входящих. Уходящие же не замечали никаких оптических заморочек.

После сумрака кафе небо и солнце показались необычайно яркими, а воздух – тонизирующим и пьянящим, пусть и витала в нём какая-то гарь и удушливые испарения. Максим сделал несколько глубоких вдохов, с удовольствием обвёл взглядом переливающуюся красками улицу и только после этого двинулся прочь, не оглядываясь на тяжёлые двери «Человека-жука».

6

Во дворе на улице Металлистов, куда Максим вернулся к машине, по-прежнему не было ни души, и в лучах поднявшегося к зениту солнца он казался брошенным, как будто все люди покинули его, переселились неведомо куда. Коюров ещё раз обвёл взглядом Танин дом, будто ожидал найти в нём какую-то перемену, хотя бы какой-нибудь знак... «Вроде того, что оставляют агенты-нелегалы в шпионских романах», – усмехнулся Максим. Особым образом повешенные шторы, цветочный горшок на подоконнике и т. д. Вообще-то окна Таниной квартиры выходили на другую сторону дома.

Забравшись в машину, опять первым делом провентилировал салон – насчет этого дела был аккуратист.

Ну, а теперь надо было приступить к тому, ради чего, собственно, Быстров отпустил его в Милоровск. Сначала первый шаг...

– Матильдушка, сейчас едем к НИИ сельхозмашин, – объявил Коюров вполголоса.

– Готова! – отвечала Матильда молодцевато, но также негромко.

– Понимаю, что ты готова, – хмыкнул Максим, – как пионер. Но рулить буду я, усекла? Только сначала я приготовлю шкатулку с нашими стрекозками.

По нажатию кнопки с сочным, едва слышным чавканьем открылся багажник. Коюров выскользнул из-за руля. Поскольку «эскорт» двух ретрорыдванов по бокам «стрижа» никуда не девался, опять Максиму пришлось выбираться наружу со всей возможной аккуратностью. Добравшись до багажника, он распахнул его приоткрытую крышку. Багажник был почти полностью занят серым нанопластовым контейнером – свободного места положить что-нибудь ещё совсем не оставалось – только узкий просвет справа, почти щель. Коюров сунул туда руку и извлёк небольшой ящичек, тоже из серого нанопласта. При желании можно было назвать его шкатулкой.

Зажав коробочку под левой мышкой, Максим захлопнул багажник, затем попробовал ухватиться за гладкую крышку и подёргать её – убедился, что замок защёлкнулся. Затем со «шкатулкой» под мышкой бочком вернулся к водительской дверце, приоткрыв её, положил ящичек на пассажирское сиденье, сам забрался снова за руль. Прежде чем включить привод мобиля, откинул крышку ларчика – он открывался в самом деле очень просто. Внутри на сероватой бархатистой подложке, в углублениях под размер, лежали три одинаковых, почти сливающихся с обивкой, едва заметных на её фоне стрекозки. Изящные крылышки были такими же непрозрачными, серыми, как и вытянутые, веретеноподобные, но с утолщениями на концах и потому немного похожие на гантели тельца. Теперь можно было ехать. Максим вывел на дисплей «торпеды» карту Милоровска.

– Матильда, а расскажи-ка мне про НИИ сельхозмашин, – попросил Максим, плавно сдвигая «стрижа» назад, выдвигая его из «тисков» двух местных древних транспортных средств.

– Да я с превеликим удовольствием, – отвечала компушка немного сварливо. – Только много ли успею рассказать? Ехать-то две минуты...

– Ну уж сколько успеешь, – не уступал Максим.

– Ладно... – протянула Матильда разобиженно и тут же совсем другим голосом, с профессорскими интонациями, начала: – НИИ сельскохозяйственных машин был основан...

Максим хотел перебить её, мол, это я знаю, но промолчал. Они уже проезжали НИИ наноэлектроники. Наноэлектроники, не нанобионики, хотя звучит похоже... А ещё ведь это – «Кибердайн». Вот про что Матильду надо спросить. Историю и всякую статистику сельхозтехнического института он знает, компушку заставил сейчас рассказывать её только ради повтора материала. Ах, Матильда была права!.. Он уже видел по курсу впереди выступающую

из синего забора будочку проходной НИИ сельхозмашин. Матильда тоже её заметила, оборвала фразу на середине, впрочем, тут же пояснила:

– Если хочешь, я дорасскажу всё потом! А сейчас надо выпустить на волю наших стрекозок!

– Да, спасибо, Матильдушка! Ты очень предупредительна, – Максим покосился направо. Стекло в правой передней дверце опускалось вниз – стеклоподъёмник запустила компушка. – Про этот НИИ, наверно, больше не надо. Извини.

Пассажи́рское окошко справа открылось уже больше чем наполовину. Бросив ещё один быстрый взгляд в ту сторону, Коюров увидел за окном проходную. Никаких следов недавнего взрыва заметно не было, похоже, будочку отремонтировали весьма тщательно. В этот момент с лёгким жужжанием с серой подложки ларчика синхронно снялись серые стрекозки и, выпорхнув из неспешно двигавшейся машины, поплыли в воздухе тоже как-то задумчиво, на лету забирая вправо и при этом расходясь в стороны, будто подхваченные вялым, переменчивым ветром, тяжело, грузно набирая высоту, довольно хорошо заметные – три различимые серые точки на фоне синего забора. Когда они пропадут из виду, Коюров дожидаться не стал – так можно было свернуть шею. Да и на дорогу надо было посматривать. Хотя он и знал, что от всяких неожиданностей подстрахует Матильда, но привычка взяла своё. Матильда между тем уже обратно поднимала стекло в дверце, закрывая окно. Так, первый шаг сделан. Следующий, куда более серьёзный, завтра утром, когда трудовой люд потянется на работу.

– Если про этот институт больше не надо, про что тогда рассказать? – поинтересовалась Матильда; позади остался уже не только квартал НИИ сельхозмашин, но ещё один.

– Да, Матильдушка, про этот НИИ больше не надо, – повторил Максим ласково, одною левой ладошкой плавно выкручивая руль против часовой стрелки, – решил использовать перекрёсток, в этот момент свободный, для разворота. – Ты вот что мне лучше расскажи... Расскажи про другой НИИ, наноэлектроники. «Кибердайн».

– Хорошо, – согласилась Матильда осторожно. – Но про «Кибердайн» надо гуглить.

– Так гугли, гугли, – милостиво разрешил Максим.

– А куда мы сейчас едем? – осведомилась Матильда.

– В «Алконост», – отвечал Коюров. – В гостиницу «Алконост».

– Боюсь, что этого времени мне не хватит, – заявила Матильда капризным тоном. – Я имею в виду времени, пока мы будем в пути!

– Ну, Матильдушка, ты начинаешь повторяться... – вздохнул Коюров с досадой. – Хоть снова посмотрим по дороге на этот «Кибердайн»! Ведь наверняка опять мимо поедем!

Коюров немного лукавил. Мог ведь выбрать и другой маршрут, но решил повторить тот путь, которым ехал к НИИ сельхозмашин, по крайней мере часть его, так, чтобы опять миновать это довольно характерное для Милоровска мрачное тёмное здание за ярким забором – на проходной которого прибит был устаревший шильдик с гравировкой «Институт инновационных информационных технологий». «В большом мире все дороги ведут в Рим, – мысленно хохотнул Максим. – В Милоровске все улицы сходятся к „Кибердайну“...»

А сам прикидывал уже, как ему лучше ехать к гостинице. Покосился на дисплей с картой. «Алконост» выбрал заранее, ещё когда и «добро» не получил на поездку. А тут и весёлый гоблин в Таниной квартире тоже назвал этот отель. Не странно ли?

– А пока ты гуглишь, ты вот что мне скажи. Ты же ведь умеешь так, две задачи разом делать, как Юлий Цезарь? («И не две, а двадцать две!» – оскорбленно буркнула Матильда вполголоса) Так что ответь: насекомые наши летающие ещё живы? Никто на них не покусился, а?

– Да нет, с ними всё нормально... – пробубнила Матильда как бы немного удивлённо. – Они уже закрепились в заданных точках... Могу даже показать, как они обосновались. Вывести изображения с камер на дисплей?

– Нет, не надо, – возразил Коюров. – Надеюсь, в тех точках сейчас не происходит ничего экстраординарного? («Да, – подтвердила Матильда, – всё там нормально. И с ними тоже») Ну вот, мне важно, что разведчики ещё функционируют – и только...

Оба замолчали. Максим вёл машину, Матильда гуглила.

– Ты знаешь, Максим, что-то я ничего путного не могу найти про этот «Кибердайн»... – вдруг проквакала компушка растерянно.

– Да? – сардонически усмехнулся Максим. Похоже, Милоровск был заповедником не только НИИ, но и всяческих информационных аномалий. Феномен ещё ждал своей разгадки, но уже не подлежал сомнению. – Ладно, не парься. Мы подъезжаем к «Алконосту».

«Не дом, а игрушечка!» – хотелось воскликнуть, глядя на этот четырёхэтажный терем впереди. Золотисто-красные стены слегка лоснились под лучами сентябрьского солнца. Коюров подъезжал к гостинице с фасада, со стороны парадного подъезда. Широкие гранитные ступени вели ко входу, к массивным двустворчатым дверям благородного тёмного дерева. А гараж для постояльцев здесь был подземный – экономия городской площади. Наверх, на первый этаж отеля, можно было подняться лифтом или пешком, по винтовой лестнице. Коюров выбрал второй вариант.

Отделка фойе также радовала глаз. Пока юная админша на ресепшен барабанила по клавиатуре компьютера, забивая в него личные данные Коюрова (он действовал здесь под своей фамилией, предъявил собственный паспорт), Максим окинул быстрым, но цепким взглядом простиравшееся на стене за спиной девушки обширное панно – оно внушало изумление, ибо на первый взгляд могло показаться образцом абстрактного искусства: бесконечным плетением цветных узоров в восточном стиле. Но уже второй взгляд выделял в потоках непрерывных извилистых линий силуэт того существа, чьё имя носила гостиница, – птицы Алконост с человеческими руками и короной на женской голове.

С магнитным ключом в руке Максим потопал на третий этаж – опять пешком, хоть лифты имелись и непосредственно в гостинице – целых два. Лестница была существенно шире, нежели винтовая из гаража, с более пологими маршами, застеленными бордовыми дорожками – нога тонула в ворсе чуть не по щиколотку. По такой лестнице, наверно, даже скатываться было бы не больно... Коюров шагал по ней по-спортивно живо, пружинисто. Никто ему на лестнице не встретился, никто не обогнал.

Шагнув в свой номер, Коюров подумал, что попал в русскую сказку. Убранство, мебель, то, что хотелось называть утварью, – всё выглядело натурально старинным, даже допотопным: лавки-кушетки, вроде бы дубовые стулья с гнутыми ногами и спинками. Прошёл в ванную комнату – и там раскорячилась на когтистых лапах громадная лохань, искусно сбитая из деревянных жёлтых клёпок. Максим недоверчиво провёл рукою по внутренней поверхности лохани – оказалась на диво гладкой (а ведь он, по правде, от такого чуда очень ожидал заноз!). И дух поднимался из ёмкости не противный – не банный, сырой, мочальный, а лесной, хвойный, бодрящий. Коюров вернулся в комнату, опустил в деревянное кресло, вызывавшее ассоциации с историей про Машу и медведей, и только сейчас заметил, какой покой окружает его. Тишина – однако не ватная, а живая, в которой угадывался шорох ветерка в невидимых ветвях, далёкая птичья трель, лёгкий плеск воды, даже как будто детские голоса...

«Ну это уж слишком, – подумал Коюров. Такого ретро и такой глубокой релаксации я вообще-то не заказывал. Да и не готов...»

«Этак здесь я, пожалуй, только раскисну... – усмехнулся он. Комфорт расслабляет, расхолаживает...»

Максим резко поднялся из кресла, прошёл к окну, приоткрыл его на пару делений гребёнки – только чтоб в номер ворвался гул улицы. Не такой могучий, как в столице, но всё же нормальная урбанистическая какофония... Но вместе с этим шумом в щель между панелью и рамой потянуло и вполне себе городской гарью и вонью, какой-то прелью, почти болотной.

Хотя ведь осень, конечно. А Милоровск расположен в самой что ни на есть глубинке. С минуту Коюров стоял у окна, накачивал себя прелестями современной экологически не очень чистой жизни. Потом закрыл раму, расстегнул одну из молний своего дорожного несессера и вытащил оттуда плоскую серебристую коробочку с кнопками, индикаторами и дисплеем. А ещё внутри коробочки имелись два раздвижных стержня телескопических антенн. Максим растянул антенны на всю длину, включил прибор и походил с ним по номеру. Проверка заняла даже меньше минуты – «жучков» в номере не обнаружилось. Завершив процедуру, Коюров положил багфайндер на столик, не выключая его, достал из кармана куртки телефон и, выведя на экран список последних звонков, нажал на ярлычок, подписанный «Хельхюгель». Такой на самом деле была фамилия Силыча.

7

Кажется, только сейчас Коюров начал догадываться, что самая обаятельная черта Силыча заключается в том, что он всегда наготове ответить на звонок, и она с лихвой перевешивает его неприятные, дурные манеры. Например, совершенно жлобское обыкновение с первой секунды разговора расплзаться белобрысым мурлом по дисплею, смотреть с него равнодушно и высокомерно, даже как будто сквозь собеседника, в упор не замечая его... (так это как раз потому, что свою физию он придвигал вплотную к объективу – а значит, и к собственному экрану, на котором только и мог наблюдать визави!). А самым главным качеством Силыча была его хватка. Силыч не болтал, говорил сухо, монотонно (как робот, вдруг пришло Коюрову сравнение), но всегда – дело.

Вот и сейчас без всяких прелюдий, опять даже без элементарного «добрый день» Силыч сразу принялся выкладывать свою нынешнюю добычу и улов. Нет, от одной короткой и довольно холопской преамбулы всё же не смог удержаться: сначала буркнул, что накопил немного, только потом забубнил речитативом, как нерадивый школяр... Излагал тоже, кстати, в виде отдельных, даже отрывистых пунктов. Тезисов. Так вот кому сам Коюров уподобиться хотел? Вот какой стиль рассуждений считал оптимальным?

Очень может быть. Не исключено, Силыч тут тоже не был особым оригиналом-первопроходцем. В конце концов, содержание было сейчас важнее формы!

Вот что нашёл и выяснил Силыч, в следующем порядке:

Видеозапись случившегося во дворе на улице Металлистов удалось достать, хотя и вовсе не в эйч-ди качестве, с довольно крупными пикселями (Коюров не удивился). Пенсионерка, источник Коюрова, описала происшествие довольно точно (Максим почти не удивился – Макаровна – это же Кондор... или как там его, Сапан! – в плане зоркости; кстати, с какого борща Силыч взял, что она пенсионерка?) ... Тем не менее запись проигнорировали как полиция, так и СМИ – ни там, ни там не обнаружилось ни единой малюсенькой сводки – вероятно, потому что никаких заявлений и обращений сделано не было, сотрудники же охраны (камеры и диски с файлами принадлежали этому департаменту) просматривали записи небрежно или не просматривали совсем. Вообще, правонарушениями сексуального характера Милоровск не изобилует – до ужаса спокойный и законопослушный городок. За последние полгода дал о себе знать только один любитель харассмента. И опять-таки никакого досье стражи порядка на него не завели – всего лишь мелькнул в статьях местной газетки. Домогался девиц, то есть пару раз пытался умыкнуть, при поддержке дружков затолкать в машину и увезти к себе в логово («Мало ли парней за девками гоняется и потом в машины сажает...» – вспомнилось Коюрову). А может, на самом деле таких случаев было больше, тут же сделал поправку Силыч. Не исключено, всё-таки были и удачные попытки, в смысле успешные для фигуранта. Газета же отметила лишь те эпизоды, когда и девицы киднеперу подвернулись непростые – дочери городских шишек. Незадачливый похититель – мажор местного пошиба. Папашка – генеральный директор и главный акционер ООО «Эксклюзив-Траст». Шарага эта, как и многие другие такого же калибра, конкретного профиля не имеет, чем только не занимается – как говорится, приходится грести всеми лапами, чтобы удержаться на плаву. Да и сынок, кстати, член совета директоров, пусть не с самым решающим голосом. Зовут – Тимофей Жиганчин. Завсегдатай местного злачного заведения – называется «Человек-жук» («О как! – Максим аж присвистнул про себя. – Значит, туда прутся не только „роботы“!.. А с другой стороны, одного сингупанка для остроты ощущений им явно не хватает!»).

Сводку Силыч закончил так же неожиданно, как и начал её. Раз – и замолчал. Значит, все пункты перечислил. Н-да, материала и в самом деле набралось не слишком богато. Лицо Силыча на экране застыло в каком-то подобии греческой театральной маски – нечто похожее

уже случилось сегодня чуть раньше в «Жуке» с халдеем Андреем. Только у Силыча это была маска брюзгливости и досады. Силыч молчал и сопел, нахмутив брови и подобрав губы. Чем недоволен Силыч, трудно было понять, может, собственным докладом, что такой короткий. Максим особо не ломал голову над причинами его внезапной хандры – привык к странностям Силыча, да и некогда было входить в такие детали...

– Спасибо, инфя ценная, – процедил Коюров сухо, послушав несколько секунд сопение Хельхюгеля. Хотел добавить «Силыч», потом передумал. Кажется, он ещё ни разу не называл его Силычем в глаза? На самом деле Хельхюгель был Палыч, Павлович, по имени – Владислав. В стажёрскую бытность имел среди прочих своих прихехе одно даже не студенческое, а почти школярское обыкновение: к месту и не к месту втыкал в речь довольно тупую присказку: «Есть здесь какая-то бунтарская сила...» От этой привычки его скоро отучили, – мастеров лихо перездразнивать вокруг хватало с избытком. Бунтарскую силу Хельхюгель перестал поминать, зато сам так и остался Силычем.

Ещё пару секунд молчали оба; скорбные складки на лбу Силыча не разглаживались, чуть ли не морщились сильнее.

– Видео, фотки, ссылки на аккаунты я тебе на почту скину, – буркнул наконец Силыч, словно просыпаясь от летаргии.

– Владислав! – тоже встрепенулся Коюров, испугавшись, что этой фразой Силыч собирается закончить разговор. – По завтрашнему делу хочу спросить... Всё идет по плану? Инсекты живы?

– Всё идёт по плану, инсекты живы, – повторил Силыч почти как эхо. Как робот. Добавил – голосом чуть поживее: – Не волнуйся. Мы непрерывно мониторим ситуацию.

Вот это и были его завершающие слова. Типа прощание – прощание по Силычу. Дисплей на мгновение потемнел, с него исчезла пористая физиономия. В следующий момент экран снова занимала заставка со всеми полагающимися ярлычками приложений на её фоне.

Коюров, прикрыв веки, ещё раз прокручивал в голове только что услышанное. Самым интересным из сообщения Силыча показались сведения про Жиганчина, который постоянно отирается в «Жуке». Значит, в «Жука» непременно опять надо сходить! Только перед тем запомнить хорошенько физию этого Тимофея и его дружков. Видео и фотки, кои Силыч обещал сбросить, надлежит как следует прокачать...

Максим глянул на часы. День перевалил за полдень, но до вечера есть ещё время. До начала выступления «Боттомлесс»... А пока надо бы вздремнуть хотя бы полчаса. Поднялся-то сегодня затемно. Самые золотые для сна часы прошли в дороге... Ага, вот прямо в этом кресле...

Коюров практиковал такое дело – коли возможностей для полноценного сна не выпадало, однако надобность в коротком, срочном отдыхе оказывалась насущной – предпочитал покемарить часик или даже полчаса сидя, как пассажир электрички или междугороднего омнибуса. Не обольщался надеждой отдохнуть лучше – то же самое время вылёживаясь на диване или даже кровати, – потому как с подобным «сибаритством» пролетел несколько раз, никак не вышло расслабиться. Вот с тех пор больше любил релаксировать по-походному... Иногда даже в своей московской квартире – это если мог туда вырваться, пусть и ненадолго. Эх, что-то не вовремя он московскую квартиру вспомнил... Вместо такого желательного сейчас сна поползли разные воспоминания...

8

Там, где прописан был Коюров, стопроцентно настоящий Коюров, не липовый сыщик, полицейский или прочий «фантом», роли которых Максиму приходилось иногда исполнять, даже воздух был не таким, как в Милоровске. В первые дни, когда Коюров распрощался наконец с общежитием (неизбежным на начальном этапе при переводе в столицу, тем более для холостяка), ему думалось, что он поселился под самым небом – на тридцать втором этаже 33-этажной башни на окраине Супер-Москвы, один в двухкомнатных хоромаш! Не знал ещё, что наступит миг, и он возомнит себя взаправдашним небожителем. Вот именно – миг... Это когда рядом с ним оказалась Таня, Таня Белозёрова, гостья из Милоровска, кандидат наук в тамошнем НИИ нанобионики, одна из бесчисленных посланниц страны в столицу – молодой учёный, участница очередного научного форума. А Коюров этот форум как раз оберегал – обаятельный молодой человек, вежливый и приятный, практически безымянный и почти безмолвный представитель принимающей стороны... Непредсказуемые случайности бывают, однако, и в запрограммированный век. Молодой ученый и молодой представитель сошлись на балу, завершающем научный слёт.

И вот тогда он впервые услышал это имя – Милоровск! Милоровск – хохма какая-то. И часть тайны – Таниной тайны. Долговязая девчонка с гладкими чёрными, как вороново крыло, волосами, округло, точно шлем, облегающими голову, с узкими раскосыми глазами азиатки, гибкая, подвижная как ртуть и смешливая, но вообще-то сирота, у которой родители задохнулись при пожаре, и она выросла в детдоме, а в результате не только вымахала ростом чуть не выше Максима, но и заделалась молодым учёным и прочая, – она в те дни проникла ему в кровь, как инфекция, воспалила его мысли. Дни? А разве их было много? А разве эти три – или всё-таки четыре дня? – не слились в один большой и немигающе яркий день? Который оборвался внезапно и, да, как ни глупо звучит – ночью.

А в ту ночь он спал как убитый, без задних ног, как говаривала бабушка, – на кровати широкой, плоской, как фанера, и по факту как фанера, оказавшейся весьма скрипучей и трескучей. Купил по дешёвке, по случаю, чтоб было лежище – пусть хоть такое на первых порах. Не предполагал, что «начальный период» затянется на добрых полтора года. Да и кто мог подумать, что сей топчан станет так дико стрелять одиночными и дуплетом – под натиском двух обезумевших, охваченных огнём тел! Иногда думалось: сейчас проломится, разверзнется, и полетят они на пол...

- А ведь у тебя под кроватью пыль как вата слежалась! – хохотала Таня. – Я видела...
- Ну и нормально, – ухмылялся Максим. – Мягкая будет посадка...

Однако если бы так! Если бы всего лишь – с термоядерным грохотом разломать допотопный предмет мебели, перепугать соседей, ободрать коленки и спину...

Вышло всё тихо, почти бесшумно, он тогда спал и спал. И вдобавок ему снилось, что и Таня рядом спит. В этом своём сне он видел кровать сверху. Соответственно – себя и Таню на ней. Таня здорово перетянула одеяло на себя; у Максима остатним углом одеяла прикрыты оказались только чресла, как называл кто-то из родных эту часть тела (кто именно, спящий Коюров вспомнить не мог; хватало и того, что взирал на собственное голое тело со стороны; возможно, так выражался дед по отцовской линии – любил странные словеса, литераторством даже баловался). Из открытого окна веяло свежестью, но Максим прохладу не замечал.

А потом, как это часто бывает в сновидениях, действие приняло новый оборот, да так, что связка между двумя сценами пропала. Собственно, и сама картинка пропала – продуваемая ветром с улицы комната, широкая кровать посередине, два пышущих жаром тела на ней. Теперь до Коюрова доходили только звуки – голоса. Один голос был точно Танин. Другой – чужой, незнакомый. Что он говорил, нельзя было разобрать, ясно было только одно: чужак на Таню

кричит, пусть не громко, но зло, требовательно. А Таня лишь робко отбивалась. Максиму даже больно во сне сделалось – от жалости за Таню.

Сюжет сновидения опять скакнул вперёд. Максим теперь видел Таню, только Таню. Голоса смолкли. Таня когда-то успела уже одеться и собирала вещи в пластиковый пакет. Оглянулась несколько раз по сторонам, словно искала что-то. В руке держала какой-то предмет. Будто навели на резкость – тот объектив, через который Максим всё это наблюдал. Коюров разглядел, что предмет в руке девушки – телефон. Она было развернула его так, как если бы хотела то ли позвонить, то ли что-то посмотреть на дисплее, но вместо этого и телефон убрала, спрятала. Только – в пакет ли, куда сунула остальные свои пожитки, было не ясно. «Прощай, Максим!» – молвила Таня тихонько. Хотя – и за это Максим не мог ручаться, говорила Таня эти слова или нет. Или это ему просто... приснилось. Хотя разве бывает по-другому – во сне? Тани просто не стало. Ничего не осталось, ни картинки, ни голосов. Он проснулся.

Не мог сообразить, сколько прошло времени с того момента, как закончился этот странный сон. Наверно, немного. Сердце билось тяжело, должно быть, оттого что лежал на левом боку. Быстро посмотрел на другую половину кровати, ожидая увидеть там закутанную в одеяло фигурку Тани – спящая она почему-то казалась щуплой и малорослой, вопреки фактам действительности (выражение начальника его, Быстрова). Тани рядом с ним на кровати не оказалось. Одеяло было сдвинуто в его сторону, скомкано, застыло крупными высокими складками, неожиданно показавшись слепком с выскользнувшего из-под него тела. Максим прислушался, рассчитывая услышать негромкий шум – из кухни, из туалета, из ванной комнаты. Таня вышла попить, или, наоборот, пописать, или просто умыться... Но в квартире всё остановилось, зависло – не было слышно ни звука.

Коюров аж взлетел с кровати. Метнулся в другую комнату, на кухню, в ванную, в туалет – и там, и там, и там его встретила крошечная тьма и ватная тишина. Тани не было.

Не было и её вещей. Он не мог сразу припомнить, много ли у неё с собой было пожитков, когда она пришла к нему. Кажется, только небольшая сумочка и пластиковый пакет. Сейчас он нигде их не видел. Как и туфелек Тани. Выходная дверь была заперта на автоматический замок. Коюров не слышал во сне, как он защёлкнулся. Однако, несомненно, Таня не умела проходить сквозь стены и запертые двери. Ах, и до чего же крепко он спал, болван, да зачем-то видел во сне этот странный «спектакль» – то телепьютерный, то – как бы радио...

Коюров распахнул дверь, выглянул на лестничную площадку, как был – голый. По глазам ударил свет лампочки на площадке, в действительности – приглушённый, экономичный, но всё равно чересчур яркий после сплошной темноты.

– Таня!

Шахта подъезда ответила гулким эхом. Напрасно Максим пытался уловить хоть какой-нибудь шорох движения – пусто, никого.

Скакнул обратно в спальню. На ощупь запрыгнул в джинсы, в кроссовки – уже в прихожей, перед так и не запертой, полуприкрытой дверью, и выскочил на площадку. Щурился, привыкая к свету, который, реагируя на его присутствие, вспыхнул ярче, в полную силу. Пытался что-то услышать – может, цоканье каблучков.

Пробежал два марша лестницы вниз, потом вызвал лифт. Чудовищно долго пришлось ждать его – Максим хотел уж было снова бежать своим ходом, но тут шум механизма послышался совсем рядом, и половинки двери разъехались в стороны, приглашая войти в кабину. Потом чудовищно медленно лифт опускался вниз.

Вырвавшись из него на первом этаже, Коюров только сейчас сообразил, что не взял с собой ключи. Но не возвращаться же теперь наверх за ними! Дверь в квартиру тоже ведь не закрыл – дай бог, сама не захлопнется...

Дверь на улицу подклинил правой кроссовкой, выбежал из подъезда на одну ногу босой.

Двор, днём такой истерично-шумный, слепящий, сейчас обволакивала промозглая вязкая темнота и молчание – Коюров будто провалился на дно морское. И видел с глубины, как высоко и далеко – на расстоянии, наверно, полукилометра, горят какие-то огоньки. Проектора судов, ставших на якорь? Нет, окна жилых башен соседнего микрорайона – по другую сторону глубокого, такого живописного в лучах солнца оврага...

Ни звона каблучков, ни шума мотора. «Таня!» – заорал Коюров. Голос прозвучал безжизненно и глухо – словно в сурдокамере.

...Лифт поднимался так же медленно, как перед тем опускался. Полз вверх. Но теперь Коюров не замечал тягучего времени. Дверь в квартиру была полуоткрыта – не захлопнулась, значит. Коюров принял это факт без радости, без благодарности.

Телефон, заменявший Максиму часы, будильник, показывал три часа ночи. «Какой же я идиот», – подумал Коюров. В списке самых последних его вызовов замыкающим был разговор с Быстрым. Ну да, дела не отпускали Коюрова даже в выходной. Вторым был разговор с Таней. Максим ткнул нетерпеливо в значок на экране. С этого надо было начинать!

Телефон Тани не работал, был отключен. «Наверняка отключен», – подумал Коюров. Всё равно он её найдёт! Куда она могла исчезнуть? В Москве у неё никого не было кроме него. Только коллеги по научному форуму, который, собственно, уже разъехался из столицы по стране.

Плеснув в лицо холодной воды, совершенно машинально проглотив бокал кофе – вкуса не чувствовал, – Коюров сел в своего «стрижа», погнал в ту гостиницу, в которой Таня остановилась – пока не встретилась с ним. Там, в отеле, тряс перед носами разных администраторов своей ксивой, требовал Таню. Тани не было. Он угадал – все участники форума разъехались по стране, её бескрайним просторам.

Вернувшись домой злой, но не отчаявшийся, принялся шарить по сетям – интернета, мобильной связи. По тем сайтам, что недоступны простому гражданину. Но открыты для него, Коюрова.

Не включит ли где телефон Татьяна Белозёрова. Не засветится ли где её паспорт – на вокзале, на ресепшен ещё какой гостиницы. Просто – не появится ли информация в сводках...

Поиск, однако, ничего не принёс. Запросил коллег Тани по НИИ наобионики – нет, они не видели Татьяну с того дня, как она поехала в Москву, о нынешнем её местонахождении ничего не знали. Родственников у Тани не было. Про друзей уже сам Максим был не в курсе – как-то не успел расспросить.

Однако через два дня примерно в полдень телефон Тани ненадолго появился в сети. Как оказалось, в её родном городе – Милоровске.

9

Коюров поднялся – нет, вырвал себя из кресла – несколько разобитый на законы, которым подчиняется Вселенная. Или, во всяком случае, жизнь во Вселенной... жизнь на Земле. Похоже, основной среди этих законов – был закон подлости. Время, в чём Максим убедился, посмотрев на часы, продолжало свой ход, может, и не такой стремительный, как того хотелось, проходило, однако, совершенно без толку. Коюров очень остро это сейчас ощущал. Покемарить не удалось, зато в кресле, сработанном и под «ретро», и под что-то «славянское», затекла шея. Массаж ради пошевелил плечами, покрутил туда-сюда головой, понагибал её вправо-влево.

Потом, решив, что достаточно мышцы шейно-плечевого пояса размял, Максим сел за стол, положил перед собой телефон и планшет. Хотелось пить, но почать бутылку минералки в утробе холодильника, содержимое которой почти кристаллизовалось в ожидании постояльца, Коюров не рискнул. «Куплю в магазине, – решил он. – Пока потерплю». Он собирался прокачать профили Тимофея Жиганчина и его дружков.

Для того чтобы через сеть проникнуть аж в подноготную местных «метросексуалов», имевшихся у Коюрова мощностей явно было недостаточно. Да если честно, и особого опыта в таких делах у него тоже не было. Однако задача вполне была по плечу Хельхюгелю – у того как раз было всё для неё необходимое – и специальная аппаратура, и не менее специальная подготовка, и Коюров очень рассчитывал, что Хельхюгель, то есть Силыч, не подойдёт к вопросу формально или халатно. Пробьёт Жиганчина по-настоящему, прозондирует также и его френдов, если надо, и козь найдутся за ними интересные аферы и грешки, обязательно просветит на этот счет его, Коюрова. Для него же самого программа-максимум на ближайшие часа полтора была – запомнить физии потенциальных фигурантов. Раз их можно встретить в «Человеке-жуке», он, Коюров, должен быть готов там их опознать.

Максим погрузился в социальные сети, пользуясь заранее подготовленными ссылками (за то опять спасибо Силычу!), принялся выходить на аккаунты милоровского мажора Жиганчина и компании и с тупым усердием вникать в эти странички.

Задействовал и Матильду – однако ей указал совсем иное направление: поручил компушке искать на сайтах историю, похожую на похищение Тани на улице Металлистов. Потолковал с Матильдой строго, какие подробности надо обязательно брать во внимание, – чтобы часом не завалила его описаниями киднеппингов где-нибудь в Лос-Анджелесе или на Копакабане, с её-то нечеловеческим быстродействием. Хотя вообще-то на самом деле не очень рассчитывал играючи наткнуться на ценную зацепку. Сдавалось ему почему-то, что те, кто гнались за Таней на машине и в конце концов схватили её, не настолько блогеры, чтобы распространяться о своём гнусном свершении в мировой паутине...

Максим проторчал в интернете даже дольше, чем планировал – больше двух часов. Закрыв планшет, ощущая некоторую чуждость в голове, однако результатами похвастать не мог. Френдов оказалось у Жиганчина многовато – это не считая проживающих в Нью-Йорке и прочих Канберрах (были, были у Тимофея и заморские друзья, и не один, а взводы и роты!) – Коюров сосредоточился только на обитателях Милоровска. Но и таких набралось столько, что едва ли бы их всех мог вместить зал «Человека-жука».

Вот теперь можно было снова туда шагать, и довольно смело – терять-то всё равно нечего. Матильда, кстати, тоже не удивила Коюрова какими-либо неожиданными сюрпризами. Нашла в сетях несколько случаев, похожих на искомый; всё в России, но в основном это были не описания реальных событий, а какие-то досужие фантазии, рассказы. Подлинная история была всего одна, однако довольно давняя. Максим вспомнил, что по ней уже было возбуждено дело, в своё время читал в сводках.

Минуя ресепшен, Коюров вновь подивился образу птицы Алконост за спиной у администраторши. До чего же изощрённые художники-оформители заполонили этот Милоровск; уж если берутся за дело, так не заикливаются на банальной простоте, непременно оставят после себя что-то сногшибательное – или зал со сложной перспективой внутри некоего «магического кристалла», или такое вот психоделическое, но вместе с тем и патриотическое, славянское панно! А девушка админша за столом, похоже, успела смениться. Коюров ей кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.